

Иван Новиков
Под родным небом

Стихотворения разных лет

Советский писатель
Москва 1956

С людьми, с природою, с собою
Так протекала жизнь — полна
И тем, что добывал я с бою
И что рождала тишина.

Моя земля

Это верная, родная
Неотрывная земля!
По тебе, в годах шагая,
Мерил я твои поля.

Предчувствие весны

Я трогательней мартовских не знаю
Полупроснувшихся и дремлющих ветвей.
Сам как весна: и таю, и не таю,
Но в сложности своей — простое и простей...

Еще мороз, но сок упрямо движет
Грядущей зелени невинную красу,
Еще немного, и апрель нанижет
Прохладный изумруд в березкину косу.

Не радостно ль, что каждую весною,
Как веточка, хрупка и молода душа:
Мы хорошеем с талою землею,
И нашей юностью, земля, ты хороша!

Аю-даг

Давно, давно из диких скал,
Томимый жаждой непонятной,
К лазури моря необъятной
Медведь огромный прибежал.

Губами жадными склонился,
Мохнатой грудью в воду лег.
Мечтал напиться — не напился,
Хотел подняться — и не мог.

Горный козел

Когда крепчает ветер злой,
Козел нагорный морщит брови,
И чем лютее жадный вой,
Тем он упорней и суровой.

Он мал, но цепок, как орел,
Его упорство равно бою,
И крепость он свою обрел
В единстве с вечною скалою.

ВЕСНА В ГОЛИЦЫНЕ

Хоть родилась, но спит еще весна;
Прохладный ветер веткой не колышет,
Береза воя — по-зимнему бледна
И птиц сквозь сон чириканье чуть слышит

Лишь старый мох на взгорье у реки,
Проснувшийся всех раньше, озирает
(Бессонницей страдают старики),
Как бабочка над лужами порхает.

Между земных — воздушные стволы,
Синея, поднимаются высоко,
А у берез — и белы, и голы,
Но время плещется в движеньи сока.

Движенье времени — поход воды:
Оно в ручье, в изломах мерзлой глыбы
И в синеве, что льется на пруды,
Где плавают из льда седые рыбы.

Еще мороз приходит по утрам,
Кусая мох; еще серо и бедно,
Но шествует по долам, по горам
Сама весна — и властно, и победно

Еще вчера березки спали,
А нынче, будто уговор,
В ночи умывшись, дружно встали
И поразвесили убор.

Еще малы ветвей сережки,
Но очерк их на облаках
Уже иной, и пляшут мошки,
Как буквы быстрые в строках.

И первый шмель, еще младенец,
Уже гудит, а там закат

Развесил грудю полотенец,
Где весь зацветший вышит сад.

И всюду быстро льется, льется
Из синего нам кувшина,
И всюду плещет и смеется -
В лесу, в груди — весна, весна...

Карандашом — в лесу

Повстречаю тебя, поговорю -
Точно ковшик воды испил,
Точно утреннюю вдохнул зарю
И набрался и слов, и сил.

Да, в тебе тот журчит ручеек,
Ты из самых простых — проста,
Ты как первый весны цветок,
Как прохладная нежность листа.

Никогда я про то нее скажу
И не выдам движением глаз,
Но внимательным взором слежу
Ненаписанный наш рассказ.

Июнь

Июнь. Вчера гроза шумела,
И ливень, рухнув с высоты,
Залил поля; земля немела
От тяжелой неба черноты.

Но лишь последние зарницы
В ночи погасли, отсверкав,
Как вновь с утра ликуют птицы
И мягко стебли влажных трав

Коледлет воздух; пар горячий
Душист и прян, как зрелый мед,
И купол неба, снова зрячий,
Склоняясь, влагу жадно пьет.

Как струны в мировом органе,
Лучи дрожат и славят зной,
И вторит им наш мир земной,
Забыв о темном урагане.

Просьба

Всех струн согласна полнота:
Июль в году, как полдень полный
От темных глубей до листа

Доносит медленные волны.

Пора расцвета зрелых сил,
И мужества, и стойкой волки
И я бы, каюсь, попросил
Себе с другими равной долги...

Кадры ~июльской благодать,
Не укротишь ли ты беглянку,
Мечту мою: резцом ей дать
Уже последнюю чеканку?

Репейник

Ущерб и солнца, и тепла,
И сладких запахов, и меда,
И уж горят, как пятна йода,
Края дубового листа.

И уж сентябрьских первых дней
Густеют зноя капли прямо,
Где в ломкой заросли бурьяна
Суровым кактусом репей
Царит и холодно и ряно.

Наследник цепкий и скупец!
Последняя в нем дышит роза,
И иглы первые мороза
Плетут его ветвей конец.

2

Как голову седую Лира,
Покинутого короля,
Хранят на пепелище мира
Репейник бурые поля.

И, разметав седые кудри
И тернием главу убрав,
Еще трагичней и премудрей
Царит он меж поникших трав.

Но есть и кротость в скорби лика:
Еще цепа, встречая ночь
Без слез, без жалобы, без крика,
У ног владыки повилика -
Корделия, родная дочь.

1916

Иней

Тебе не жаль весны кудрявой,
Плакучей зелени берез,
Когда налево и направо

Сверканье белых зимних слез.

Как бы сквозь сон деревья дышат
В невинном снеговом цвету,
И голубь, шевелясь на крыше,
На ту воркует красоту.

Как тихо на душе! Долина
Сердечная теплым-тепла,
И в памяти опять калина
Забытым снегом зацвела.

Сумерки в лесу

Синеватые тихие сумерки
В оснеженном хвойном лесу.
Белыми лапами тихо
Елка колышет; и тихо луна
С ветки на ветку по ступеням
Неслышно восходит. Тепло.
Мирно улегся мороз под кустом,
Синеватую легкою шубкой
Мягко окинутый. Беличий глаз,
Цепкая лапка и хвост
Великолепный. У старой сосны,
Чуть отогретой у корня,
Зеленою горсткою мох
Глянул из-под одеяла.
Там дышит земля в полусне,
Медлительно соки готовятся
К ранней весне. Тишина.
Птичка порхнула и села,
Коротким движением крыл
Чуть прочертив синеву.

Нет человека в лесу,
Ровен, нетронут и чист
Девственный снег. Ни следа.
Ни человеческого глаза.
Ни человеческого уха.

И голоса нет человеческого,
Чтобы негромко оказать:
Как хороши эти сумерки
В оснеженном зимнем лесу!..

Но не хуже ничуть — оттого,
Что нет человека, —
Синеватым тем сумеркам:
Им хорошо и одним!

В убранстве светлой нищеты

Покинул я семью и дом,
Меня касатки провожали,
И тени их, двоясь, дрожали
Над опрозраченным прудом.

Был в жемчугах низинный дол,
И травы мне ласкали нови,
И по обочинам дороги
Кивал кустарник, нищ и гол.

Я шел один, и даже ты,
Души печальная подруга,
Не узнавала правды друга
В убранстве светлой нищеты.

1916

Старинная песня

Треплет в поле ветерок,
Треплет ивовый кусток -
Под кустом мальчонка.
Как скотину в поле пас,
Как страдал от синих глаз -
Молодой мальчонка...

Как под горку за водой,
В полуденный водопой
Не гляди, мальчонка!
Как ходила из села
Душа Маша весела -
Отвернись, мальчонка!

Как дарил ее платком,
Как назвала дураком:
Глупый ты, мальчонка!
Как послал сватов вдовец -
С богатеем под венец...
Не тужи, мальчонка!

Как в слезах да в горе шла,
Как тоска ее взяла -
Отгони, мальчонка!
Да как к речке за водой,
Да как в речку с головой...
Где же ты, мальчонка?

Треплет в поле ветерок,
По реке плывет платок...

Поспешай, мальчонка!
Как страдал от синих глаз,
Как из речки девку спас -
Удалой мальчонка.

Как ее домой принес,
Как вдовцу наклеил нос...
Молодец, мальчонка!
Да как песенке конец,
Да как в церковь под венец -
Маша да мальчонка.

1913

Родина

Вешний ветер тихо веял,
Тучку мимо проносил...
Кто сберег и возлелеял,
Силы дал и сил просил?

Это верная, родная,
Неотрывная земля!
По тебе, в годах шагая,
Мерил я твои поля.

Я с косой ходил по лугу,
Правил плугом борозду,
И подтягивал подпругу,
И натягивал узду.

Чуть весна, опять к опушке -
Слушать говор вешних птиц,
А в руках уж, верно, !Пушки -
Пенье дорогих страниц!

Духа кто не угасила?
Кто на сердце процвела?
Родина: и сил просила,
Родина: и сил дала!

1917

Освобожденная земля

Опять и нивы, и луга,
И теплый ветер пред закатом,
И на урочище покатом
Вдали душистые стога.

Родной мой край! С какой любовью
Тебя свободная рука,
И плуг, и заступ, и кирка
Озолотят богатой новью !

На праздник солнца и земли,

Зерна благословляя роды,
Ворвался — радостно внемли -
Непобедимый ветер свободы...

Как воздух, солнце и вода -
Он равноправен, он — стихия,
И ты — как мать, моя Россия,
Освобожденного труда!

Донские стихи
(Пять стихотворений)

1

Лунная ночь

Тихо Дон у моря плещется,
Чайка села на волнах...
Старина сквозь быль мерещится,
Зацветает давний прах.

Так и Русь дышала юная
На заветных рубежах,
Ночь плыла такая ж лунная -
В росах, звездах, соловьях...

Вдруг — тревога! Стан колышется:
Шлемы, брони и мечи!
И певца призывы слышатся -
Краски, ясны, горячи:

«За родную землю Русскую!
За отцовские поля!»
Сам надел кольчугу узкую
И садится на коня:

«Смерть — за родину! Победа ли-
Также родине моей!
Меж затмениями и бедами
Солнце жарче и светлей!»

Степью шли и перевалами,
Пролагая Руси путь,
Пальцами, от крови алыми,
Зажимали крепко грудь...

Меж других и ты шел поступью
Ратной, смелой и прямой,
И следил, как бьется россыпью
Дон желанный, голубой...

Так Степному !Полю буйному

Слал ты стрелы — тих и лих,
Дону пел ты тихоструйному
Мерный, верный, крепкий стих.

Так и я стою над волнами-
Новый, юный ратник я-
И пою струями полными
Крепкогрудого коня.

Русь во мне — такая ж юная,
Сбережем ей мирный сон!
Да и ночь — какая ж лунная...
Здравтвуй, тихий, вольный Дон!

2

Смерть воина древней Руси

Цветов земных в охапку,
Колчан и лук в обнимку,
Моей земле родимой
Последние слова:

Прощайте, ветры в поле,
Прощайте, зори в небе,
Прости, река степная,
Бери меня, курган!

С тобой я не расстанусь,
В твоём могучем теле
Земли щепотью малой
Останусь я лежать.

Придут родные братья
Дозором мне на смену,
Крепить я буду землю
Под верною ногой.

Гуляйте, ветры, в поле!
Цветите, зори, в небе!
С тобой живу навеки,
Родимая земля!

3

На поле дальнем

Предок твой на поле дальнем
Спит глубоким сном,
В веке юном, в веке давнем
Помнили о нём.

В битве пал он от поганых:

Не попасть в полон!
Изможден, в пыли и ранах,
Землю обнял он.

И его объятьем нежным-
Тишины полна -
Сном последним, неизбежным
Приняла она.

В старых песнях поминали
Павших молодцов,
В древних былях воспевали
Прадедов, отцов.

Нынче — наш простор и время,
И не страшен враг:
Час придет — и ногу в стремя,
Повода в руках!

Что чужое — нам не надо:
Только нас — не тронь!
Дышит нам весна из сада,
Весел борзый конь!

4

Молодость

Нам из сада яблонь дышит,
Ветер рожь в полях колышет,
Движет в водах облака
Говорливая река.

Край раскинут необъятный,
Для чужого непонятный,
Нам — родимый, вольный край...
Сердце, пой в груди, играй!

На просторе на широком -
Так, куда ни кинешь оком, —
Сердцу жаркому тепло,
Взору светлому светло!

Так у Дона на причале
Волны легкие качали
Наш челнок сторожевой...
Сердце, смейся! Сердце, пой!

5

Слово о полку

Где кучами шеломы
Покрыли мертвых стан,

Маячит нам знакомый
Седой старик — курган.

Где тучи стрел летели,
Там стали камыши.
О стрелах этих пели
В плену, в ночной тиши.

И был тот звук печален,
Как вздох самой земли:
Где капли крови пали,
Там маки зацвели.

Так памятью былого
Волна моя земля,
Так жизнью дышит «Слово»,
Так им дышу и я.

Былой, отшедшей славы
Не умирает зов...
Как медом дышат травы!
Как крепок хмель веков!

В дни бытия

Пчелы, пчелы золотые
В жарком солнечном луче:
Капли меда в дни Батыя
Проступили на мече.

Под землю на погосте -
Есть весенняя молва -
Зацвели убитых кости,
Зашелковилась трава.

И опять для слуха внятны,
Сердцу вешнему понятны
Дорогие всем слова:
Наша родина жива!

Тополя

И словно вижу блеск канала,
А рядом вспаханы воля;
Еще и солнце не ~вставало,
Зарею дышат тополя.

Привольно им на новоселье:
Храня тепло рабочих рук,
Припоминают и веселье,
И мирных песен светлый звук.

От жизни отставать не нужно
И им самим... И .вот в эфир

Ветвями голосуют дружно:
 «И мы за мира
 Мы сами — мира»

Невероятно умереть

Невероятно умереть,
 Когда ничто не умирает,
 Когда и облак в небе тает
 Затем лишь, чтобы прошуметь
 Дождем веселым и блестящим.

Слежу за голубем летящим:
 Он был — и нет! Но за порой
 Опять вечернею порой,
 В прозрачном воздухе купаясь,
 Кренит упругое крыло;

То исчезаю, то являюсь,
 Умрет на миг мое весло
 И вновь скользит в сквозистой сени...

О други! В легкости весенней,
 Когда всему цвести да зреть,—
 Невероятно умереть.

Любовь и верность

Сердце как чашу неси,
 Не расплескав, донеси!

Утверждение

Как может минуть молодость, пока
 Так сине небо, ветры так упруги,
 Пока струится млечная река,
 Пока горит огонь в глазах подруги?
 Любовь и звезды, ветер, небеса,
 Все это царственно-правдиво, вечно,
 А молодость, как мудрость и краса,
 Как жизнь сама — в любви бесконечна

Родная

Родная птичка, прилетая
 На куст орешника, глядит
 И, щебетаньем вопрошая,
 «Узнали ль вы?» — нам говорит.

И оба мы с тобой безмолвно
Внимаем голос нам родной
И так душе понятный, словно
И сами птички: мы с тобой.

Радуга

В радуге на фоне мягком леса
Цвет зеленый — вдвое зеленей:
Голубая на небе завеса,
Ты же вдвое голубей — на ней!

Было это или только снилось -
Давнее сиянье красоты?
Но я помню, сердце — билось, билось.
Лес и небо; радуга и ты!

Голос

Тронуты струны чуть-чуть,
Голос глубок и певуч,
Чья-то вздымается грудь,
Месяц глядит из-за туч.

Голос как мир одинок,
Голос и полон как мирр,
Времени долог клубок,
В сердце пребудем детьми.

Ночи предутренний час-
Час пробуждения птиц,
Солнце откроет для нас
Ноты росистых страниц.

Солнце дарит нам росу,
Солнце и выпьет росу,
Сердце как чашу неси,
Не расплескав — донеси!

Зачем таить?

Перед глазами — строгих рук
Изгиб мучительный и нежный
И милой речи полный звук
При шутке ласково небрежной.

Зачем таить? Но нет, таи!
Быть может, я один читаю
Все муки скрытые твои
И жемчуга у глаз считаю.

Глаза в глаза

Когда не знаешь, как сказать
То откровенное, что бьется
В душе, в груди, а вот назвать
Словам обычным не дается,—

Тогда взгляни — глаза в глаза:
Там времена, и там пространства,
Луч солнца, неба бирюза,
И чувств живое постоянство.

Звук особый

Между звуков обычных
Для воскресшего дня-
От земных всех отличный
Звук коснулся меня.

Он другими не слышим,
Лишь моею душой-
Словно вместе мы дышим
Снова жизнью одной.

Милый друг, незабвенный,
Что вперед уплыла,
Из соседней вселенной
Ты мне звук подала.

Снегов сыпучая лавина

Омытые в живом потоке,
Как молодеют все слова,
Как ты безудержно права,
Гроза души в горячем токе!

О бури летние, едва ль
Вам устоять пред тем пожаром,
Как огнедышащим загаром
Мороз обжег крутую даль!

Впервые мне в прозе такой
Дымит бескрайная равнина
И мой крушит былой покой
Снегов сыпучая лавина.

Признание

— Я люблю ребенка и мужа,
А сердце в груди, как струна:
Минула зимняя стужа
И за окном ~весна.

О, как сладки чары искусства!
Песня и яд — одно.
Но пусть не хочу я этого чувства,
Пусть затворяю окно,—

Все усилия воли — что льняные волокна,
И в душе шумит, ~гуляет гроза,
И раскрыты настежь, настежь все окна:
Это мои глаза.

1916

Все счастье

Все счастье: сама печаль,
И боль, и слезы, я тревоги.
Любовь — как горный кряж, а вдаль
Бегут долины и отроги.

И что бы ни таилось в них,
Многообразием богато,
Все торопит из сердца стих,
И все для сердца будет свято.

Живой струей с высот спеша
Из недр, сокрытых так глубоко,
Вы, воды черного потока -
Любви бессмертная душа.

Легкое дыхание

Слышна мне поступь ласкового мая,
Легко дышать под вечер наших лет,
А ветерок, за плечи обнимая,
Свежо уводит от забот и бед,
И голову клоню, ему внимая.

Я здесь один. Тебя со мною нет.
Но рядом ты, незримая, живая;
И по траве слежу твой зыбкий след,
И, милые мне плечи обнимая,
Легко ступаю по закату лет.

Письмо

Между елей сумрачно зеленых,
Как закатные на небе облака,
Светят золотые клены:
Так на солнце светится рука.

Не один, всегда и здесь со мною,
Рядом ты — ровна, светла, легка:
Вижу, чувствую тебя такую,
И в душе стихи — как облака.

Что ж, что осень? Нежное, простое
Не стареет сердце и у старика,
И когда мы двое, а всегда мы двое -
Мы как розовые утром облака.

Ромашки

Мы поищем ромашек на горке,
Будешь ты и тиха и добра,
И надышишься мятою горькой
И настойкою дикой добра.

Охмелев от душистого зелья
И провеяна ветром насквозь,
Ты промолвишь сквозь грусть и веселье:
— А заботы под горку забрось!

И, коснувшись горячею травкой
Мимолетно меж носа и щек,
На груди ты приколешь булавкой
Загорелых ромашек пучок.

Отвори окно

Отодвинь немного штору,
Отвори окно на ветер,
Поскреби и брось подальше,
Брось хоть горсточку забот.

И увидишь, как случится,
Что заботы и досады
Станут легкою игрушкой,
Побрякушкой ветерка.

Осеннее утро

Что ни утро, то напиток
Ясной ключевой воды,
И осенних маргариток
Звездочки — твои следы.

И горбатый холм полыни,
Полный терпкостью ночной,
Как вулкан, что не остынет,
Что остынет лишь со мной.

Но пока шагаю мерно,
Легкость, терпкость сочетав:
Старый тур так бродит верно
Средь ветвей и между трав.
Кисловодск

Без слов

Роща темнеет угрюмо,
Чуть серебрится роса:
Самые тайные думы -
Что увлажняют глаза.

Кажется, на небе пусто,
Звезды еще впереди:
Самые яркие чувства -
Те, что покрыты в груди

Вечер, а тихие свечи;
Речка недвижная гладь:
Самые нежные речи -
Что не сумел и сказать.

Малеевка

На дне оврага спелая малина,
Ольху обвил кудрявый дымный хмель,
Передосенняя меж листьев паутина
И летний золотой жужжащий шмель.

Так и в душе осенняя прохлада,
Но теплым вечером еще звучит свирель,
И об руку — задумчивая Лада
И — все шутник — седоволосый Лель.

1940

В ночной тишине

Устал усталостью рабочей,
Но мне легка ночная тишь,
И знаю: ты из междустрочий
Мое дыханье ощутишь.

Оно одно с твоим дыханьем,
Как и моя — с твоей рука,
Одним колышет колыханьем
Нас жизни быстрая река.

И берега одни и те же,
Один нам воздух голубой,
И я закидываю мрежи,
Что вместе ткали мы с тобой.

Вечер

Еще горит золотое пламя,
И мирен дом, и светел труд;
Еще волнистые над нами
На выси облака плывут;

Еще мы дышим, живы, живы,
Нам плещут небо и вода:
Так вечером глядятся ивы
В покой затихшего труда.

Мгновение

Такая тишина, что лист не шелохнется
И капелька дождя с ветвей не упадет,
И только сердце потаенно бьется
Да время в тишине, неслышное — идет!

Лекарство от любви

(Из Овидия)

Воспоминания любовь питают.
Не перечитывай ее письма;
Лучи взыграют и снега растают,
И вновь реки заискрится тесьма!

Бросай в огонь волнующие строки,
И на костре любовь сгорит, как тис,
Ее портрет, и нежный, и жестокий,
Пусть закоробится в огне, как лист.

И избегай: где счастье протекало -
Заветных мест; не говори в тоске:
«Как краток день! Тебя как видел мало!» -
Склонясь к ее поникнувшей руке.

Не бередить больному надо раны;
Опасно дуть на пепл: огонь взметнет!
Свободы добивайся неустанно,
И будет день: забвенья вкусишь мед!

Древнее

Пусть говорю на многих языках
И ангельский пусть мне язык созвучен,
Но ежели любви не ведаю никак,
Тогда, как медь звенящая, я скучен.

И даже пусть имею вышний дар
Пророчества и двигаю горами,
Я без любви — ничто, и мой душевный жар
Поспорит холодом своим со льдами.

Пусть и раздам ~имение свое,
И плоть свою предам я на сожжение,
Но коли нет любви, в душе — небытие,
В ней все мертво, и мир весь — без движенья.

Живые портреты и раздумья

В каждом новом человеке-
Будто новая страна...

Живые портреты

АВТОБУС

О детстве, Пушкине, о снеге,
Москву окутывавшем в шаль —
Я думал; шел, лето дышал.

Мне было хорошо, как будто
Разнообразный мир, живой
Звучал и плыл, дышал—со мной.

И на душе легко, просторно,
И снова молодость плыла,
И даль была легка, бела...

Чего хотеть еще? И вижу:
Автобус... люди... и висят—
Живая кисть — как виноград!

И женщина — портфель в отеле,
Чуть держится — одним носком,
Мгновенье — упадет, как ком!
И вдруг — в мгновенье ! - с тротуара
Свернув, бежит с конца в конец:
Не мальчик, нет, и не юнец !

Но так бежит, когда б родную,
Давно не виденную мать
Мальчишка сын спешит обнять...

Автобус мимо, он вприскок
Людей цепочку охватил
И — кверху! - сколько было сил...

И падавшую удержал, и втиснул,
И соскочил на белый снег,
И скрылся на виду у всех.

Иду.. Но нет еще названья

1940

Для гордых новых чувств моих:
Его найдет — мой верный стих !

Под дождем

Марине

В веселом громе под дождем
Отец и девушка бежали,
Мгновенным брызгали огнем
На тучах грозные скрижали.

Она разулась на бегу,
Вода меж пальцев льет, играя,
Отец под зонт, спина в дугу,
Л на усах роса седая.

В автомобиле гражданин
Плывет в потоп подобно Ною,
автомобиль сейчас — дельфин
И будто брызгает слюною.

С зонта облиты и до пят,
И в трех руках корзина вишен,
На вишнях туфельки лежат,
И ручки скрип, как всхлипы, слышен

Был громкий гром, я влажный смех,
В корзине вишни, в сердце ливень...
Тот миг, открытый не для всех,
В грозе и ливне — дивно дивен.

1930

Веселые скворцы

Вагоны стоят, но смотрят на юг:
Ялта, Алушка и Коктебель,
В вагоне запомнил я двух,
И каждый из них — как колыбель.

На земле колыбель — много веков,
Но всегда в колыбели: уа-уа!
Так и у этих двух стариков
Через темную зиму — весна.

Он пошарил: забыл на столе очки!
Ползла в мешочек она: нет кошелек!
И он засмеялся: кхи-кхи!
И она засмеялась: кха-кха

И много в вагоне было людей,
Но солнце на этих легло:
Восемьдесят зим лежало на ней,
И она их носила легко.

И пока на лавку не села она,
Он все продолжал стоять:
Восемьдесят шестая весна,
А позади восемьдесят пять.

И я оглядел от конца до конца
И не нашел моложе из двух,
Они щебетали, как два скворца
Перед отлетом на юг.

День рождения

Нынче праздник: день рожденья -
Семьдесят восьмой!
жизнь прошла как сновиденье:
Труд, любовь, покой.

И сама уж как зима я,
Но моим снегам
Все порой дыханье мая
Снится по утрам.

Детский лепет был так звонок,
Как ручей весной...
Но бежит вода: ребенок
На руках — уж мой.

И пошла, пошла спуститься
Молодость кругом...
Или это только снится?
Деток полон дом!

Дочек замуж выдавала,
Нянчила внучат:
От велика и до мала-
Целый мир зачат!

Внуки выросли, отважно
Двинулись в поход,
А по спальне бродит важно
Правнучий народ.

Чуть не век — одно мгновенье
Жизни прожитой...
Нынче май, и День рожденья —
Семьдесят восьмой.

Вдох учителя

Снова в город —
на асфальтовую мостовую,
Снова с кафедры —
не говорю а повествую;
Снова в путь—
избитый, ежедневный,
Снова франк -
телесный и душевный:
Все учить, учить,
прикинувшись всезнайкой...
Ах, еще б в кустах
попрыгать зайкой,
На балконе маленьким
проснуться
И в лесок зеленый
окупаться,
Где не доски, не скамьи
из ели,
А живые ели...
Неужели?
Улыбаюсь я всему _
неволью,
Даже думаю размером
вольным.
По страницам книжным
не влачиться,
Не других учить,
а самому учиться...
Нет, живи не слишком
говорливо,
Помолчи с природой -
мудро и пытливо.

На рубеже

Стройная женщина. Лет сорока.
Многое в прошлом. Но ясно чело.
Синяя высь и нежна, и строга;
Светлую ширью поле легло:
Так и на сердце да будет легко!

Ты на каком-то стоишь рубеже:
Верная дочь и любимая мать.
Что-то «еще не», а что-то «уже»:
Молодость надо, прощаясь, обнять,
Снежные дали покорно принять...

Женщина смотрит на юную озимь:
Имя той женщины — Ранняя Осень.

Джюльета

Комочки, пыли на дворе,
Причудливо вцепившись, пляшут,
Принять участие в игре
Зовут, манят к себе Наташу.

Замороженная, стоит -
Залита солнцем и волненьем,
Лицо, горит от жарких плит
Под жарким ветра дуновеньем.

Но как прохладная мечта
Иль снега резвые снежинки,—
Какая в танце простота,
И красота, и — без заминки!

И вот — ножонок быстрый взмах,
Склоненье стана, взгляда трепет,
И будто музыка в ушах,
И ветер ей косицу треплет...

И как легко, и точно как
Вдруг босоногой той Наташе
Дался и ритм, схватила такт,
Стройнее стала, выше, краше.

И танец нежный и простой,
Волненью чистому послушна,
Танцует девочка с косой -
Волшебно и легко, воздушно.

И думал, как смотрел вчера
В балете дивную Джюльетту:
Наташа, друг, а та игра?
Забывла ты — девчонку эту?

1940

Путешествие

В каждом новом человеке -
Будто новая страна:
Только приоткроешь веки
Даль души его видна.

Разберешь в ней все не сразу,
Птичьим внемля голосам,
Но смелее раз от разу
Сам пройдешь по тем лесам,

Неожиданным изгибам

Горных линий и озер,
Скрытых руд внезапным глыбам,
Что, мерцая, дразнят взор...

А, глядишь, и на жилище
Наконец-то набреду:
В нем найду кусочек пяди
И к цветам пройду в саду.

Леденец

Где мои тринадцать лет,
Возраст кисленькой конфетки?
И не завязь, и не цвет,
А уже мыслишки едки.

И от скрученных косиц
Тени падают на шею,
И кошусь из-под ресниц:
Что ни день, то хорошею!

Бледность узкого лица,
Слишком розовые ушки,
И рассыпаны веснушки
По отраве леденца.

Не выдумка Н.Н.Г.

— Жила серо. Стихов не понимала:
Красиво? — Да. А трогает — чуть-чуть.
Но надо мной гроза пробушевала
И вслед за ней открылся тяжкий путь.

Узнала я душевные страданья
И горечь дум в предрассветной мгле:
Бесплодные, хоть страстные, желанья
Вот все, что мне осталось на земле.

Мне так казалось... Но слетела Муза-
Ах, не моя, но добрая ко мне:
«С поэтами — душевного союза
Ищи в стихах, в подтекста глубине!»

И вот, прилежная, как ученица,
Я постигала мудрые слова,
Шепча: «Нет, нет! Все это мне не снится:
Я снова и по-новому жива!»

Она права, без всякого сомненья:
Глядел я в эти ясные глаза
И видел — в них, как отблеск вдохновенья,

Сияла благодарная слеза.

Юной актрисе

Начинаешь только-только
Строки первые в главе
А ведь птиц в лесу не столько,
Сколько думок в голове!

И летают — словно вижу -
То к воршинке, то на сук:
То повыше, то пониже _
Словно слышу - сердца стук...

А меж тем слежу: витая
Там и здесь, твой голосок,
Как малютка завитая,
Что привстала на носок,

Вся исполненная чувства,
И воздушна, и строга:
Не холодного искусства —
Вдохновения сестра.

Раз и дома как кудрявый
Ландыш весь в росе живой,
У коры моей корявой
Задержалась ты со мной.

Это краткое мгновенье
Времени я не отдам,
Мотылька прикосновенье
Вспоминая по утрам.

Две

Одна как лед, другая — льнет;
Одна — веселая проказа,
Другая глянет лишь вполглаза
И потихоньку отойдет.

Но он есть он, а кто ж — она?
Одна болтать с тобой счастлива,
Другая скупно-молчалива,
И вот она-то — влюблена!

Казаться и быть

Слыть хорошей, казаться хорошенькой
И катиться по жизни горошинкой
Много ль в том сокровенной души?
А глаза, поглядеть — хороши!

Нет, совсем не товар расфасованный,
Не фарфор, хорошо разрисованный,—
Где-то воды текут не спеша
И с собой ты сам-друг — хороша.

1955

«Философ»

Он, лекции своей читая Маше -
Мудреные, руками только машет:
— Вот Ницше был философ... Ницше — во!
Не понимая в Ницше — ничего.

Сам ничего — ни столько! — не рождает;
Как зеркало — других лишь отражает;
По сути дела — гладкое стекло,
Плеснешь словцом — глядишь: с него стекло!

1955

Наш общий знакомый

В молодые годы -
подлинный гусар,
Нынче для гусара стар,

Но, покорствуя привычке-
как волне,
Все еще жуирует -
вполне.

Кормится практически-
оседло:
у родных, Ну, а политически
ясно:
на перекладных!

1956

Шмель

Да, я шмель, мохнатый и пушистый,
И, летая от цветка к цветку,
Свой узор полетом тем — душистый,
В воздухе невидимый — я тку.

А забравшись в складки ипомеи
И вдохнув там сладостный «интим»,
Улетаю к новой поскорее,
Никогда назад необратим.

И своей привычке этой верный,
Ей не смею сердцем изменять,
Да, я шмель и верный и примерный -
Вы должны меня, друзья, понять.

Но сейчас на краешек стакана

Я присел, где чай отпил поэт.
Было очень тихо, очень раню,
А людей других и вовсе нет.

Вид имея несколько старинный,
Улыбнувшись, тихо он сказал;
— Многих я друзей в тебе узнал,
И о них, в душе твоей шмелиной
Все прочтя, все точно записал.

1955

Соседу

Чужого чувства не неволь,
Напрасны будут все усилья,
Не в пьесе ты играешь роль,
А жизни не подрезать крылья:

Она, как птичка, упорхнет!
И вот уже следишь невольно
Свободы радостный полет,
Хоть самому тебе и больно...

1955

Оспариваю

Ах, не слишком тяните, что нету —
Ну... «оседлости жизни» у ней.
Кое-что ведь и в этом поэту
И понятней, чем `вам, и видней.

Да, ведь каждому светлomu взору
И ответный рождается взор,
Так зачем предавать нам позору
Этот кружева легкий узор?

Все видали мы бабочку разной:
То летает, то сядет, то спит,
Но возможно ль быть бабочке — гряды}?
Или быть затрапезной на вид?

Улыбается, шутит, смеется,
А к себе — не поверить! — строга.
Я-то слышу, как сердце в ней бьется:
Как дитя — она мне дорога!

Плоть от плоти нашего народа

Он, пожалуй что, и ваш знакомый.
К постижению истины влекомый,
Сокровенное стремясь найти,
Прокладает и свои пути.

А годков ему уже не мало:

Каждый под по году прибывало!
Но весне — Который год идет,
Коль всегда она цветет, поет?

Или лету, что, всяк год рожая.
Засыпает очень урожаем?
Та же прячет зерна в закрома,
Чтобы их не замела зима...

Он сродни всем четвертинкам года;
Плоть от плоти нашего народа-
Над своим не чахнет, как кашей,
А младенцем смотрит — в глубь вещей

1955

Ветер и девушка

— Ветер стар, как века, как земля,
Но и юн, словно дождик весной,
Там и сям — и шумя, и звеня,
Он как будто играет со мной.

Вздыбит волосы возле виска:
«Где же косы, девушка, твои?»
С ветерком я невольно близка
И шепчу: «Говори, говори!»

Засмеется, взвихрятся — лоза
Закачалась, и дрожь по кустам...
А я жду, прикрывши глаза:
Вот к моим прикоснется устам!

1955

Той, которая почувствует

И малосильна, малоешка,
Хоть ростом вовсе не мала,
Черна, совсем как головешка,
Почти гола... Но — голова!

Какой бы с нею ни коснуться
Глубокой темы, все равно -
Цитаты так и встрепенутся
И как рыбешки — вверх! — на дно!

Да и своим изгибом мысли
Закончит — чертовски умна...
Гляди, как брови-то нависли:
Идеями — полным-~полна!

Но вот однажды по-другому

Воспринял те ж черты лица:
Не выходя совсем из дому,
Она присела у крыльца

И так, задумчива, печальна,
Таинственно глядела вдаль,
Что слова, как назвать ту тайну,
Не отыскал бы даже Даль.

А там, в кустах, гляжу, мальчонка:
Трусов короче в свете нет,
А загорелая ручонка
Как бы поймала солнца свет!

Расставшись с крохотною кепкой,
Он волосенками сиял
И, между тем, копаясь щепкой,
На грядку семечко совал.

И сам недавно лишь рожденный
По-своему гигант-юнец-
С землей возился как влюбленный
И новой жизни был творец.

А на нее взглянул я снова:
О незацветшая лоза!
Пусть мы не находили слова,—
Сказала все твоя слеза.

1955

Нюра

Вот этакого крошка роста...
Взглянула, носом повела:
— Ну что же, очень даже просто! —
Лопатицу с собой взяла —

Да с ней по лестнице, на крышу...
И вот оттуда грохот слышу:
Как горный загудел обвал!
Не девушка, а самосвал...

Летят и снеговые глыбы,
И свергнутый лопатой лед:
Гиганты так играть могли бы,
Вертя весь мир — взад и вперед!

Но как назвать нам крошку нашу?
И не умалю, не прикрашу,
Коль предложу сей вариант:
Она, ей-ей — пигмей-гигант!

1956

Песенка моего друга

Как можно деву удержать
От впечатлений свежих, новых,
Как можно деву обожать,
Держа ее в тисках суровых?

Но нет, ее и не держу:
Вокруг меня, как птичка, вьется,
А я сижу — слежу, гляжу,
Как ей танцуются, поется.

И возвращается ко мне,
Как под родную на ночь крышу,
И в забытии, или во сне
«Тебя люблю!» — я снова слышу.

Но вот беда: кого — тебя?
Коль не меня, тогда прощайся:
Останусь пусть — один, любя;
Но ты ко мне — не возвращайся!

Раздумья Море

Как по реке,
как в ледоход,
От дел текущих
отбиваясь-
Всегда в поход,
всегда вперед,
Весь путь ритмически
качаясь.

А море — что ж:
конец и цель?
Уже, призывное,
сияет -
Как новой жизни
колыбель:
Конца в природе
не бывает!

Не годами...

Коль по-новому. жизнь повернется,
Утром в новый пускаешься путь,
Где опять, словно юность вернется,
По-весеннему сможешь вздохнуть.

Вновь по-юному — воздух искусства
Зажигает сияние глаз:
Не годами, а свежестью чувства

Дышит молодость в каждом из нас.

Мысли — тоже вроде леса...

Мысли — тоже вроде леса,
Где деревья стали строем.
Веток трудная завеса?
Мы под ней шалаш устроим.

Отдохнем и оглядимся,
Очи пустим на разведку:
Постепенно прояснимся
И в себе подыдем ветку.

А за веткой вовсе ясно:
И цветы, и неба полог;
Сбитых листьев не напрасно
Позади оставил ворох!

Там, где не было прохода,—
В мире новых ощущений
Ты вдохнешь и запах меда
Философских обобщений.

Присяду на пенек

Немного и осталось:
Стихи, улыбка, вздох...
Да вот еще усталость
Порою валит с ног.

Но нет, не опрокинешь,
Присяду на пенек:
Что есть — того-не минешь,
Что дальше — невдомек!

Когда вот так присядешь,
Слышнее бег земли...
Рукой ее погладишь:
Ведь там века легли!

Лежат и тихо дышат
В сегодняшние дни-
В надежде-, что услышат:
«Вы в мире не одни!»

Да, «было, есть и будет»—
Единая семья:
Союз их не избудет,
А им дышу и я.

Как дуб

Дольше всех дубы не распускаются,
 Пред весною это просто грех,
 Но в грехе том, видно, и не каются:
 Осенью они — моложе всех!

Ах, природа чудное нам зеркало:
 Экономь же траты юных дней,
 И чтоб старостью не исковеркало,
 Будь как дуб — с вершины до корней.

Строгое слово

Не все, мой друг, дозволено любви,
 Когда любовь потребует худого,
 Сих чар беги, и одинок живи:
 Лишь тем себя ты обретаешь снова.

Храни свой свет, дабы заре взглянуть
 Сестре небес, — как равной, очи в очи:
 Зарей начать и кончить жизни путь,
 Не зная днем соблазнов темной ночи.
 Велению души не прекословь,
 О прошлых днях напрасно не жалея:
 Сильнее смерти, говорят, любовь,
 Но и любви ты можешь быть сильнее!

Истоки

Поэзия народа, воля-
 Творить свой образ бытия:
 Какое дивное раздолье,
 В котором вправе быть и я!

У нас, у русских, с гор высоких,
 По скалам времени звеня,
 Поют могучие истоки,
 Всю юность древнюю храня,

Не иссякая, снова, снова-
 К отцам от дедов и к сынам-
 Доходят к нам напевы «Слова»,
 Родные свежим голосам-

Тем голосам, что так согласно
 Звучат на весь подлунный мир
 И страстно возглашают, властно
 Святое слово: вечный мир!

Семена мыслей

Сколько семечек березовых -
 Можно печку протопить!—

Желтовато-нежно-розовых -
Хоть в «березовке» испить!

Дунет ветер под макушками -
Настоящий семепад,
Не сугробами — подушками
Оседает их каскад.

Что за жажда жить — могучая! -
В дробном множестве миров:
Если есть тому созвучия,
Так в поэме — хоть без слов.

Пусть без слов еще, но звуками
Вся душа полным-полна,
Отмечая сердца стуками
Новых мыслей семена.

1955

Мой путь

На утре жизни,
в 77-м году, -
Увидел солнце, я -
с тех пор к нему иду!

За твоим столиком

Столик «топорной работы»,
Лапы орешник простер,
Думы — пчелиные соты,
Чувства пылают костер.

Под голубым небосводом
Катится шар наш земной,
Год протекает за годом:
Мы протекаем с тобой.

Мудры законы вселенной,
Нынче в один из них вник:
Дружбой — вовек неизменной-
Вечность являет свой лик.

1955

Путник

Вот поглядите: колючий, как ежик,
Сто исходивший дорого и дорожек,
Верному помыслу преданно верный,
Не устает все идти да идти,
Чтоб на дорожке, хотя б на сто первой -
Высшую истину-правду найти!

1955

Совет

Ты что-то ищешь,
чем-ро недовольна
И в этом мне
призналась ты невольно:

Себя понять,
желанное найти-
Ты не находишь
ясного пути.

И от меня, я знаю-
ждешь ответа.
С трудом и сам ищу
слова совета:

Суметь — искать;
что дремлет — разбудить;
Не созерцать,
а полноценно жить!»
1956

Утро в душе

Пусть еще нет и названья,
Но в человеке поэт
Видит уже очертанья
И не родившихся лет.

Чует незримое глазом:
Времени быстрый поток,
Где просыпаются разом-
Корень, и лист, и цветок.

Утренней вижу порою,
Как наши радость и труд
Дружными братом с сестрою
Вместе живут и растут.

О музыке вселенной

Когда-то в детстве я мечтал
О дивной музыке вселенной:
Она звучала как кристалл-
Нетронутой и неизменной.

Но вот та музыка — в пути...
Я начал понимать с годами,
Что с нею в ногу мне идти,
Сливаясь с жизни голосами.

Не неизменна, а жива
Сама вселенная, всечасно
В тех звуках мне звучат слова:
«Да, и к тебе — небезучастна!»

1956

О времени

Сижу и думаю; и знаю,
Где будущее: вот оно!
Ежеминутно прорастаю,
И вновь зерно родит зерно.

А время, что на нас несется,
Бежит вперед — для нас назад,
Лишь след в сознании остается—
Воспоминаниям друг и брат.

Что было будущим, то ныне
В прошедшем обрело гнездо,
Бывает, нету и в помине,
Сугробами занесено,—

Но так случается порою,
Что, смело перейдя между,
Его в прошедшем я отрою
И настоящим нахожу.

Время быстро уходит...

Время быстро уходит, но долго живет,
Что им создано — пусть на ходу..
То клокочет, бурлит, то спокойно плывет,
То на радость, а то на беду.

Тут и личное нечто, и тяжба веков,
Запах жив и далеких времен:
Прометей все прикован меж горных хребтов
Под созвездьем великих имен.

Но у времени есть и забвения дар,
И свежа ежегодная новь:
Кто же миру посмеет сказать, что он стар,
Если он — и весна и любовь.
1955

Родные братья

Родные братья — оба глаза—
Различествуют меж собой:
Один — глубокой думы база,
Другой — тревога и прибой.—

Вы приглядитесь и к портретам
Людей, ушедших в глубь веков -
И к музыкантам и к поэтам,
И скажете: их взор — таков!

А он — и ваше отраженье:

Не узнаете глаз — своих...
Но это разновыраженье
Отметил я в удачный миг.
1956

Вечерние строки

Дышит все вокруг, живет,
Красоваться не устало,
Вспомнит и чего-то ждет:
Чтоб заря вновь заблестала!

В старом месте — в новый раз:
Новизны смесь и привычки,
Тихо радуется глаз
Красоте-необезличке.

Жизни трепету я рад,
И, как люди и деревья,
Становлюсь в единый ряд -
Довершать свои кочевья!
1955

Слова толпятся...

Слова толпятся у порога,
Черед же, неизвестно, чей,
И избранных не так уж много:
Пучок серебряных лучей;

Но важно, чтоб они упали
С предельно верной стороны
И освещали близь и дали -
Простор открытой вновь страны.
1956

Озера

Воспоминания — озера:
Хранит недвижная вода
Для очарованного взора
Давно минувшие года.

Смотрю, и кажется, что снова,
Сам будучи на глубине,
Услышу дорогое слово,
Что изредка звучит — во сне.

А в горных чашах, где глядится
Одно лишь небо в облаках,
Душе замороженной мнится:
Дремлю у няни на руках...
1956

Как сердце не устанет биться...

Как сердце не устанет биться,
Пока не снизойдет покой, -
Могу любить, хочу трудиться
Хотя б слабеющей рукой.

Не знает отдыха природа -
Как мать труда, дитя любви...
Клонюсь к закату, но восхода
Я жажду: утренней зари!
1956

Любимый труд и художники слова

Свою мечту трудом твори!

Любимый труд

Рождение стиха

Тугой бутон стоит недвижно,
Как вылеплены лепестки,
Лишь сок живой незримо брызжет
По жилкам потайной реки.

Но вот — всего одно мгновенье-
И ты душистою волной
Задышишь, роза, вся — движенье...

Не таково ль и в нас рожденье
Стиха иль музыки живой?

Порою и одна строка...

Не музыка — сначала шум,
И не костер: огня томленье,
Но вот в скопленьи туч и дум
Блестит молнии рожденье.

Огромный потаенный труд
Задачу смелую решает:

В слияньи тугоплавких руд
Порой одну строку рождает.

Но та строка жива всегда:
Стрела, цветок, улыбка неба,
Огонь, и воздух, и вода-
И трудовой кусочек хлеба.

Поэзия

Поэзия не только лишь в стихах,
Она цветет в невинно-чистом взоре,
Она в улыбке нежной на устах,
А то и в детски шаловливом вздоре;

Поэзия — родня и доброте,
И преданности, ласке, и влеченью,
И мира всеохватной широте,
И дышащему вечностью мгновенью;

Поэзии непрерываем ток,
Не меркнет музыки ее сиянье,
И если бытие само — цветок,
Она того цветка — благоуханье.
1956

Река души

И ветер во мне, и облака
Под ясным куполом вселенной,
И это все — души река
Струит дорогой неизменной.

Все видеть, все вместить, понять
Наедине с самим собою,
И отраженьем звезд плескать,
И к морю близиться судьбою.

Но если жизнь моя река
И к ней ты забредешь однажды,
Плеснет и на тебя строка-
В ответ на зов душевной жажды.
1955

Прохлада вдохновения

В подъеме чувств — не утаить! —
Вскипают острые волненья,
Их ни осмыслить, ни схватить
В горячей буре вдохновенья.

Какой-то внутренний пожар,
Себя сжигая, полыхает,
Но сам творец тот легкий пар
Рукою властной сжимает...

Напору неумных сил
Так воздвигают баррикаду:
Чтоб пар тот землю оросил-
Льют вдохновения прохладу.

И вот медлительной росы
На землю опадают четки,
И в эти мерные часы
Нас ждут счастливые находки.

На вершину лет...

От прозы жизни,
от «ученых сумм»,
Не сердце лишь отводит,
но и ум.
Поэзия мне верная
подруга.
А ум Пегасу-
верная подруга.
Взбираясь тихо
на вершину лет
И стихотворный
оставляя след,
Дышу душой
все более глубоко,
Все шире мир
окидывая оком.
1955

Соответствия

Как стебли — строки, рифмы — как цветы.
В один букет завязываешь ты
Гвоздик загар и белую пупавку¹,
И просто приглянувшуюся травку,
Чей милый очерк может оттенить
Движенье чувств и мысли перевить.
И как ступал по солнечному лугу
И что шептал: все внятно будет другу.

¹По-орловски так называют ромашку

Перо за работой

Бывают трудные места,
Перо, забыв о легкой вязи,
Не может отыскать моста
От мысли к мысли в четкой фразе.

Как путник, что в лесу глухом
Деревьев изучал подножья,
Сосредоточен на одном:

Решить проблему бездорожья,—

Так и перо, как часть руки,
Послушное дрожащим нервам,
Заполнить жаждет край строки,
Как если б догадалось первым.

Гляжу и, мысля о своем,
Подумал вдруг не без смущения
Перо и я — знать, мы вдвоем-
Соавторы стихотворенья!
1955

Не выразить

Не выразить, не передать,
Не вымолвить хотя б название:
Возможно ль воздух рассказать
Или поймать-зари сиянье?

Но шепоты души — возьми!
Прими и ветер, и раздумье.
И шорохи моей земли
В зеленом свете новолунья...

Под музыку

Под музыку, закрыв глаза,
Перебираю эпизоды:
Как рассказать и чем связать
Мои рассыпанные- годы?

И я учусь, как нижут звук
На нить-мелодии старинной,—
И мысли жар,-и сердца стук,
И лепет юности невинной.

И что просыплется порой,—
Так надо! — и не подбираю:
Заворожен чужой игрой,
Свою я музыку слагаю.

И слышит ухо, видит глаз,
Как скрытое вдруг приоткрою
И как слова на ветке фраз
Блеснут прохладною росой.

Жасмин

Марине

В избытке сока ветки гнуться,
А все в бутонах наш жасмин,
Как будто лень ему проснуться
Средь зеленеющих куртин.

Но он не спит, и постепенно,
Тая до срока аромат,
Приоткрывает белопенный
Цветов проснувшихся каскад.

Пути, быть может, половина
Такая ж пройдена тобой:
Не обгоняй, мой друг, жасмина,
Как он — будь мудрой и простой.

Ни спросу не служа, ни моде,
Поэзии верна будь ты:
Равно покорствуют природе -
И вдохновенье и цветы.
1955

Мартовская прохлада

Вечер прохладен, сдержан, и воды
Стянуты легким льдистым мостком.
Тише, художник: в мерные ходы
Ты верю поступью ритмы влеком.

Талой водою — заплещешь бумагу,
Голою мыслью — все омертвишь:
Хмельную брагу, резвую влагу
Тонкой прохладой овей и утишь!

Голубое небо

Как голубое небо средь дождя,
В заботах стих рососою улыбнется.
Порой досель смешной ребенок я,
А сердце мужественно бьется.

И думаю, что нежность не слаба,
Коли ее суровость не скосила,
И думаю, что мягкость не раба,
Коли поэзия есть сила.

Так дует ветерок, и нет преград
Крылатому, и льется через горы,
И самый кряж, быть может, тайно рад
Открыть его дыханью поры.

Мысли

Меж руд угрюмых и немых

Медлительные ходят воды:
Там клады в тайных кладовые
Неисчислимы; переходы

Тяжелых вод, что день, важней
Густеет влага думой зрелой,
Чревата солью мысль, и в ней
Уже кристалл очерчен белый.

И, докатясь до грани той,
Когда завершены, отлиты
Все замыслы, — над пустотой
Она рождает сталактиты.

Строгость к себе

Все выноси: обман, клевет
Поток обильный, неудачи,
Потерю друга, горечь лет
И трудности большой задачи.

Спокоен будь, и тверд, и прям,
В бореньях духа ровно стоек,
И мудрой волею упрямя
В расчетах творческих построек

Свою мечту трудом твори,
Пока живешь и правду ценишь,
И только в час, когда изменишь
Себе, — умри.

Строгость и нежность

Да, строгость с нежностью различны:
Закон — и строг, и справедлив,
А нежность — как волна: привычны
Ей и отлив, и вновь прилив.

Как нежен дев влюбленный шепот
В дыхании мирной тишины
И строг как, четок конский топот
В день объявления войны.

Но вот в минуты вдохновенья,
В сияньи ль дня, в тиши ль ночей,
Творим мы чудо единения:
Стихи — чем строже, тем нежней!
1955

Верный срок

Все основное для романа
Ты набросал, и все вошло,
Но завершать работу рано;
Взгляни, как все кругом бело...

Гуляя тех посевов мимо,
Себе представишь — и не зря!—
Как там тепло легли под зиму
Озимые в снегу поля.

Пусть и твои помедлят всходы,
Вот так же набирая сок;
Законы мудры у природы:
На все про все есть верный срок.
1955

Недра

Чем дальше дни, тем больше в труд
Уходят ум, душа и воля-
На добывание темных руд...
Ну, скажут, каторжника доля!

Да так ли? Здесь, на глубине,
Таит земля, что глубже — чище,
Игру алмазов. Два во мне-
Упорство с вдохновеньем, ищут.

И дикий пусть в пустыне ветер,
И сединой поля укрыты,
Как знать, во тьме подземных недр
Не брызнет ли мне свет сокрытый?

И в старости есть бранный дух
И юности возвратной чары:
Толстой, Гафиз — довольно двух!
А в сединах — они ли стары?

О книги, читанные в детстве...

О книги, читанные в детстве,
В каком таинственном соседстве
Вы с полкой томиков моих
И как порой отдельный стих
Живет в извилах многострочий!

Как если б очи смотрят в очи
И огоньков кивает ряд:
Друг в друга родственно глядят!

Голос счастья

Между забот, среди ненастья
Порою тишина найдет,
И голос милый, голос счастья
Тебя чуть слышно позовет.

Внимай ему! Года проходят-
Сегодня нечет, завтра чет-
И дни за горизонт уводят:
Все понемногу протечет!

Поверь ему! Взгляни свободно -
Плывут рядами корабли
По глади синей, глади водной:
И жизнь, и мир — они твои!

Тридцать три

Тридцать лет и три года-
Треть долгого века-
У синего моря поэзии.

Легкие ноги ступали
В первую легкую воду,
И брызги летели в лицо;

И светились на солнце
Розовые пальцы
С чернильными крапинками;

И пело сердце,
И пели глаза и губы,
И щеки пылали солнцем.

И вот ноги не стали резвее,
И пальцы стали желтее,
И брызги легли на висках сединой;

Но сердце поет,
Но душа залита солнцем,
Но пальцы — в чернилах:

Вот уже тридцать лет и три года!
1932

Сорок

Песни — лес сорокалетний.
Жизни юной эта поросль-
Нестареющий кустарник,

Те же, что вчера возникли,
Сразу кроною одеты,
Желуди на мох роняют.

Так и жизнь народов: древний-
Мир, в былинку отошедший,
Разве он не наше детство?

Но и зрелый мир, зацветший
В наши дни — вчера, сегодня, —
Он наш мир новорожденный...

Что ж такое время, други?
Мир все юн, и мы с ним юны?
Старость — не пустое ль слово?
1939

Покончен день

Покончен день, и вот итог:
Не стал я старше, стал моложе,
И если будет легкий вздох,
То радостный, когда на ложе

Прилягу с тем, чтобы зарю
Трудом, всегда любимым, встретить
И новый день опять приветить:
Дышу, любя; любя, творю.

До капли

Ах, если бы молодость знала!
Ах, если бы старость могла!
На небе, расцвеченном алым,
Закатная тучка легла.

Но зная нажитого бремя
Дождем опрокинь на луга,
Где в давнее, юное время
Ребенка ступала нога;

С веселою силою, смело
Шумя меж зеленых ветвей,
Твори свое верное дело
И сердце до капли пролей!

Последнее

Я отбирал не слишком много-
И для себя, и для других,
Но длинная была дорога,
А мой попутчик — верный стих.

С людьми, с природою, с собою
Так протекала жизнь — полна
И тем, что добывал я с бою
И что рождала тишина.
1956

**Художники слова
Поэты**

Брожу ли я вдоль улиц шумных...
А. Пушкин

Как огромные озера-
Одиссея, Илиада;
У ворот суровых ада
Стал с горящим взором Дант

Горный дух парит Шекспира,
Как змея — сарказм Вольтера:
Свыше всякой меры мера,
Что ни призрак, то гигант.

Там для слуха и для взора
Водопад кипит над кручей:
То, одевшись в мрак и тучи
Лорд-поэт поет свой век.

Но меж них по стогнам мира
Просто, весело и мудро
Наш родной и темнокудрый
Бродит Пушкин — человек.

В год войны

Свежесть ручья в колыпании пушкинской строчки;
Снежная скатерть у Фета в берез оторочке;
Тютчевский полдень в грозу, и просторы глухие -
Блоком воспетые — многострадальной России;

Музыки Глинки прохладные, чистые звуки -
Над клавесином склоненные девушек руки;
Лермонтов — звездного неба в воде отражены,
Черного лебеда в том отражении движенье;

Сеном душистым с орловских полянок провевая,
Лиза Калитина входит, и с нею Тургенев;
Лиза одна, и все кончено, к небу молитва;
А в Толстого в «Войне» — Бородинская битва;

« Мир » у Толстого, и сколько чудесно-простого -
И Каратаев, и пляска Наташи Ростовской:
Вот и в Михайловском — пушкинский лес и поляны
Слышу Чайковского голос и голос Татьяны;

Осень, и гроздь рябины, и гранки орехов,
В Мелихове на крылечке задумчивый Чехов...
Ночью не спится, забудешься, утро разбудит,
Все это было, и есть, и вовеки пребудет!
1943

«Слово о полку»
(Два стихотворения)

1

Когда, как пахарь...

Когда, как пахарь, пажитями «Слова»
Я вновь бреду, и вот вдыхаю снова
Бессмертный запах девственной земли
И новые на грудь колосья мне легли,—
Созревшее зерно опять в полях я сею...
Так с древней Русью сам — я сердцем молодею.

1950

2

Пусть необычно...

Пусть необычно: с Пушкиным вдвоем
И с редкостным изданием «Слова»
Мы вместе дышим, думаем, поем
И пьем из родника Былого.

О — древнее — как молодо оно!
Как гусли вторят там поэту!
Хвала ему, и Пушкину, и лету,
Что жизнью до краев полно!
1951

Овидий

Внезапные метаморфозы
Судьбы: от славы и от роз,
И от стихов — на берег прозы,
И от улыбки — к морю слез.

Волнение ярости и страха:
Огонь, пожрав стихи, погас...
Так в Этно кинулся б сразмаха
Седок поэт и конь Пегас.

И, отправляясь в путь изгнания,
Посыпал пеплом он главу,
Похоронив очарованья,
Уснув отныне наяву.

* * *

Душа раскаяньем томима,
Уныньем, страхом новых бед...
Но... вечер; посланный из Рима

Передаст ему пакет.

С какой тоской он свитки тискал
И гладил с радостью какой
Страницы дружеского списка,
Приписку милою рукой!

И вместо скорбных «Писем с Понта»,
Овеян дымкой блеклых роз,
Он плещет вновь до горизонта
Сладчайший яд «Метаморфоз».

Давнее

Одновременно тихий мальчик,
Но и шалун, и виршеплет,
В чернилах часто мазал пальчик,
Марал и книжный переплет.

Под вечер — лампа, кот и вьюга,
Огонь в печи и вой в трубе,
И Лермонтова я, как друга,
Закрою и прижму к себе.

И переплет вопьется жестко,
А стих летит, душа поет,
И сердце стало каплей воска,
А за окном сияет лед.

Уж никогда с такою страстью
Других я книг не испивал,
Никто с такой живою властью
Душою не овладевал.

И заключив в ручонках детские
Неоценимый тайный клад,
Я сам в каракулях простецких
Певал на лермонтовский лад.

Бог знает как, каким узором
Ковалась цепь времен, но я
Следил чуть лермонтовским взором
За нашим крохотным простором
Нелермонтовского бытия.

«Записки охотника»

Из многих книг — сейчас одна:
Ее дыханию внимаю,
Она ясна, чиста до дна,
А глуби — сердцем поднимаю.

В таком же, как и наш, лесу
Бродил с ружьем он за плечами,
Природы русской пил красу
И днем, и звездными ночами.

Исполнен думою одной,
Одним желаньем, вечно юным,
Хотел он видеть край родной-
Свободным, светлым, неугрюмым

Он слышал мерный ход времен,
Судьбы народной видел сдвиги
И сочетанием имен-
Сократ и Хорь — свергал вериги.
Какая четкость мастерства!
И мысль, и солнечные блики-
Блистают, как в росе листва:
Мир и простой, и многоликий.

Природы трепетной черты
И глаз задумчивых сияние:
Какое здесь и красоты,
И правды верное слиянье!

Читаю, думаю, сижу,
Упала книга на колени,
И в самой жизни я слежу-
Тургеневские светотени.
1952

Война и мир

Война и мир — как ночь и день:
Восходит солнце — день блистает,
Но и при свете бродит тень,
А ночью — звездный хор сияет!

Нося в душе огромный мир
Всечеловеческих волнений,
Он знал и битвы грозный пир,
И шепот мирных сновидений.

И, памятуя с юных лет:
«Не сотвори себе кумира!»—
Искал единой правды свет
В двух правдах — и войны и мира.

Вставал порой «девятый- вал»
И бились в скалы волны слова,
Но и от бури был причал
В душе великого Толстого.
1956

Чехов

(Четыре стихотворения)

Стихи о прозе

Как музыка — как чеховская проза-
Архитектурной строгостью мороза
Легла зима на гладкое стекло.
И в простоте классической структуры
Знакомые и давние фигуры
Лучат сквозь холод тайное тепло.

За чтением Чехова

Совсем забыл, что книга пред тобою,
Что это в ней сияние зарниц,
И чьей-то жизнью — близкою, родною -
Повеет свет вдруг с развернутых страниц...

Здесь и вчера, и то, что будет завтра,
Весь человек — и сложный, и простой,
И меж героев и художник-автор-
Он сам встает перед собой живой.

Горит закат в извилах малой речки,
Склонясь к воде, купает ветви лес,
Глядит на Русь наш Чехов па крылечке -
Тишайшее из мировых чудес.

Это было

Всю жизнь, как светлое преданье,
Хранил я память наших встреч:
Его глаза, его молчанье,
Его задумчивую речь.

Но вот мои воспоминанья
В печати появились раз-
Как вымышленные свиданья,
Как мной написанный рассказ.

Так жизнь, курьезов не жалея.
И в сутолоке и в суете
Подсунет вдруг, прошедшим вея,
Набросок — в стиле Чехонте.
1936

«Дом с мезонином»

Дом с мезонином. Парк. Две девушки - сестры
Люблю ли я? Люблю. И вот рука невольно
Палитру ищет, кисть. И чувства вновь
И молод снова я: мне радостно и больно.

И с мезонином дом — как он уныл и
Она уехала, чужой покорна власти...
Прохлада осени. И облетает куст,
Зацветший поздно так под дуновеньем страсти.

И все же не хотят опасть мои мечты,
И много лет спустя шепчу: — Мисюсь, где ты?

Слово и музыка

Одеты музыкой слова?
Иль в слове музыка сокрыта?
Вот вам из Чехова глава,
Слезами девушек полита.

И рядом музыка звучит,
Рахманинов поет про то же,
А слушатель сидит, молчит
И дышит все нежней и строже.

Все вместе — радость иль печаль?
Душа не знает раздвоенья,
Сливая вместе близь и даль
В струе единого волненья.

Утес и тучка... Вечный стих!
Всего две лермонтовских строчки,
Но вздох поэта не затих
В нетающей их оболочке.

Сердец ответных слышен стук;
Все, правдой красоты томимы,
Мы знаем: и слова, и звук
В живой душе — неразделимы.

1955

Блок

Блок не солнечный, а лунный:
Приглушенный рокот струнный,
Хруст апрельского снежка,
Голоса издалека.

Запинанье твердой речи,
В сюртуке прямые плечи:
Близкий, но и издалече!
Нежный, строгий; мягок, горд;

Хладный и кипящий лед.

Шествие тяжелой бури,
Месяц луч сквозь бурю щурит:
Как свеча, как ятаган-
Сквозь неспешный ураган.

Все преступно в этом мире,
Все невинно в этой лире,
Все невольники на пире:
На болоте пир; изба;
Мертвый воск крутого лба.

И дыханье отлетело,
Отгорело страстью тело,
Стало бело в белом дне,
А грехи — в безгрешном сне.
1921

Семьдесят пять

Поворошишь десятки лет
И видишь: словно бы забытый -
Ты снова свеж, как первоцвет,
Покровом времени укрытый.

Ты в прошлое затем глядел,
Чтоб видеть будущего зори:
Таков твой благостный удел -
Его никто и не оспорит!

Ты с нами пел в разливе сил,
Блестая медленно строками:
Сердца, как землю, бросил-
Предутренними облаками.

Твоя посмертная судьба,
Далекий друг, не одинока:
За правду чистую борьба -
Живой цветок поэта Блока.
1956

Книги

Стоят суровые шкафы.
Бездонна глубока
За занавесью из Тафты
Их мудрость: в ней века.

Один тисненный переплет,
Другой... и целый строй.
В их сотах отстоялся мед,
В них чувств и мыслей рой.

А у раскрытого окна,
Где веет ветерок,
Лежит из книг всего одна;
На книге надпись: Блок.

Приход поэта

Ю. Н. Верховскому

Когда приходит в дом поэт-
В замечали это, други?—
Глаза, зрачок и брови-дуги;
Вошел поэт; поэта нет!

Пред вами милый человек,
И разговор — как звон стакана,
Уходит поздно; или рано?
Да, штору первый луч рассек!

Табак; вино; и горсть листков
Небрежно обронил в передней;
Так было нынче и наперед:
Глаза, зрачок и был таков!

Ушел поэт: поэта нет!
Но свет и воздух — все иное:
Поэт — как небо голубое;
Поэт — он здесь, он утро, свет.

Две музы

Я видел сон, как в виде голубей
В Михайловском к нему слетали музы,
И с ними было небо голубей,
Снега белей, и крепче дружбы узы.

Их было две. Историей одна
И знанием, накопленным веками,
И мудростью дышала у окна.
Запорошенного снегами;

Другая же садилась на плечо:
Не знания, а чувства в сердце пели.
И день живой дышал в ней горя,
И средь зимы был слышен звон капли.

Рождение «пророка»

У Пушкина перо из птицы,
Крылом вот-вот взмахнет она,
Лишь стоит приоткрыть ресницы,
Перед глазами — вся страна!

Еще он очень юн годами,
Но полон мудрости веков:
Другие думали-гадали,
А он — взглянул; решил; готов.

И пусть на время — сил застоя
Не одолеть... Что ж, не беда!
И вновь решение простое:
Шуметь рекой заместо льда...

Он руку жмет заре с востока,
Он ловит солнца первый свет-
И вот глаголами «Пророка»
Насытил тишину поэт
1955

Наедине с собой

Один на ветке обнаженный
Трепещет запоздалый лист.
А. Пушкин

Береза бело-золотая,
Склоняя ветви с высоты,
Весенний ветер вспоминая,
Роняет поздние листья.

И это гибкое движенье
Уже немолодых ветвей
Не есть ли образ, отраженье
Души притихнувшей моей?

Не умиляясь, не горя,
Дышу и жду, когда в поток
Бегущей жизни оброну я
Последний пушкинский листок.
1946

Годы странствий

И на чужбине — Родина со мною,
А в годы бед — она вдвойне жива.

В чужих краях (1910)

Ночь в Нормандии

Какая бархатная тьма!
Как дышат в темноте деревья!
Как тихо ночь зажгла сама

Огни небесного кочевья...

Шагать вперед и знать, что ты
Еще и петь и плакать можешь,
Что чьи-то думы и мечты,
Быть может, песнею встревожишь,

Что молодость не вся прошла
И что душа юна, как прежде,
Что жизни быстрого крыла
Касанье на твоей одежде:

Ее полет — и твой полет...
А по пути угасшей лавы
Все стелят под ногами мед
Отсыревающие травы.
Донвиль

NOTRE DAME

В огромной храмине, держа ребенка,
Легонько ты на облачке паришь,
Тая, храня свой голос детский, звонкий:
Богиня-девочка. У ног Париж,
Но ты как между трав, цветов и злаков,
Сама дитя, несешь свое дитя,
И свет на вас почиет одинаков,
И ветер один вам веет, шелестя.

Пока сияет день, на пьедестале,
Покорная, ты сдержанно глядишь,
Как на тебя молиться не устали
Святые темные из темных ниш,
Застывшие без вздоха, без улыбки;
Иль слушаешь, как судят знатоки
Какие-то погрешности, ошибки
В изгибе складок древних у руки.
И целый день перед тобою шумно
Плывет людская молвь, в полях вода:
Все тот же проводник, пастух неумный,
И англичан пасомые стада.

Но день миновал, и ты одна, и бледный
Скользящий свет на плитах начертил
Узор решетки и непышный, бедный
Твой венчик на челе озолотил.
И быстрыми, веселыми стопами
Ты сходишь вниз; до мессы долог срок,
Когда опять кадилльными часами
Ты отбываешь утренний урок.
Теперь же можно все: и порезвиться,

И на органе старом поиграть,
Дать локону с беспечностью развиться,
И фартучек у чаши простирать...

Кропишь водой, и оживают воды,
И медленно сползают со стены
Застылые и милые уроды,
Заблудшие, нехудшие сыны,
И раздвигаются немые своды,
И тих, волшебен плеск ночной луны,
С химерами святые в хороводы
В один живой венок заплетены.

Спокойно дышат в нишах исполины;
Младенец спит; резвись, дитя, играй!
Взгляни сюда: в твой детский, вешний рай
Идут со стекол пестрые павлины.
Париж

Фонтан в Милане

Фонтан над черной глубиной
В ночи роняет неустанно
(Кому-то памятник живой)
Любови слезы непрестанной.

Кругом уснул и влажный сад,
И ветви потемнели ели,
И утонул седой фасад
В ночной таинственной купели,

И реже трепетный полет
Бесшумной и бездомной мыши,
И медленно двенадцать бьет,
И эхо темное из ниши

Доносит отдаленный шум,
Как если б, по песку ступая,
Сама исполненная дум,
Проследовала ночь глухая-

Сторожкая в пустыне рысь.
Но все трепещет жизнь, рыдая,
Но плещет все, не иссякая,
Твоя серебряная высь!
Милан

Монастырь в Венеции

О, как тих монастырь,
Как спокойна широкая паперть!
Заросший зеленый пустырь,
А она бела, как скатерть.

И монахини к ранней обедне
Как темные на ней, четкие четки;
И одна всегда идет последней
И медлит, медлит у чугунной решетки.

Подошла; прильнула; застыла.
Или все томит неутомный грех?
Или ничего сестра еще не забыла?
Или просто она моложе всех~

Кто знает! Разве лишь ты, одинокая келья,
Ты, молчаливый и ветхий псалтырь!
Отзвенело земное веселье,
Звонит — монастырь.
Венеция

Фонтан во Флоренции

Не умолкай, фонтан, в ночи,
Ласкай склоненные ревниво
Полотна бархатной парчи:
Дуб, кипарис, каштан, олива.

На солнце каждый в блеске дня
Дышал смолистым ароматом,
Лишь издали любя, следя
За плещущим своим собратом;

Но вот придвинулись с высот,
Чтобы во тьме, роняя слезы,
Внимать вам, водяные лозы,
И рушить ваш текучий сот.
Флоренция

На Арно

Ах, кто мне запретит тихонько вдоль реки
Идти за незнакомой девушкой в вуали
И говорить ей мысленно слова,
Такие нежные, как небо на закате...
Я знаю про нее лишь то,
Что высока она, тонка, что любит платья
Песочного или пепельного цвета,
А значит, любит Арно, как и я.
И это все. Но разве не довольно?

Вот встретила знакомых; мать ее,
И мальчик брат, и старшая сестра
Заговорили с ними с оживленьем,

Она ж стоит, как пальмовая ветвь,
Высокая и стройная, в молчаньи.

И я остановился на мосту
И вынул книжку, чтобы записать
Нежданный образ тот...

Как быстро угасает
Сентябрьский вечер, как вода желта,
Как в небесах мгновенно тают краски,
Как жизнь идет,—куда, зачем, как знать:
Как та, что, тихая, с своей семьею
Прошла и мост и скрылась вдоль реки...

Ты никогда, конечно, не узнаешь,
Что был поэт и на мосту чрез Арно
Излил своей души вечерней грусть,
Что на тебе его глаза в тот миг
Остановили взор. Ты не узнаешь...

Да и зачем?
Флоренция

Так было

Однажды я уснул на дне морском.
Весь океан ушел, и дно дымилось,
И пахло мокрым крабом и песком,
И смутное, прекрасное мне снилось.

И пел соленый воздух надо мной.
Как бы играя кружевною пеной,
И снилось мне, что я объят волной,
Пленен навек зеленою сиреной.

И было небо голубое мне
Так несказанно мило и печально,
Как это только может быть во сне,
Как было в юности первоначальной.

И плен был сладок и тяжел. Вдали,
Над грудью волн и над моею грудью,
Могучие дышали корабли,
Взрывая носом кожу изумрудью.

Быть как ничто, едва-едва дымясь,
Вдыхая соль и воду выдыхая,
Трудов и дней порвать навеки связь,
Родную землю влаге предавая?..

Но сердце дало знак. Спасен судьбой,
Преодолею я веками громады,
И вижу солнца сгусток над собой,

И слышу вой отвергнутой наяды!

И я вскочил. За мной дышал прилив,
Медлительный и быстрый, и недобрый
А впереди незалитый залив
И острых скал изъеденные ребра.

Я смерил путь. Но сил не измерял.
Я был стрелой и размышлял недолго.
Был вечер тих, закат багряно ал,
И где-то в даях— и Москва, и Волги?

И где-то в даях милая земля,
Покинутая мною для Бретани,
И голос пушкинской, в родных полях
Еще не найденной, но верной Тани.

Прилив—нагнал... Пусть мокрый я, смешной,
Но вот судьба свою явила милость:

Тепло дышали камни подо мной,
И жизнь во мне, как молоко, струилась.
Москва

Тбилиси (1942)

Старый Давид

Ночь над Тбилиси и снежная буря.
Южный потомок ледяных вершин,
Скалы нахмуря, ущелья сощуря,
Встретил ее один на один.

Нет, не один. Александр Грибоедов
пурге. И он знал бои:
Крепит и отсюда волю к победам,
Родине шлет он силы свои.

Илья Чавчавадзе, Важа Пшавела
С флангов обходят рати врага:
Родному народу лира их пела
Досель дорога — мудра, строга.

С гневной усмешкой и ты, Церетели,
Милый Акакий, сможешь пропеть
Так, что слова твои лягут у цели,
Как победу несущая медь.

Но и еще Александра — дыханье,
Поступь в Тбилиси его слышна:
Пушкин — народных сердец колыханье-
С нами он, здесь, — так с ним и страна!

Да и все мы, Давид, рядом с тобою,
Слышим мы орд пронзительный вой,
У спаянных грозной, славной судьбою
Первая мысль — это зов на бой!

Так пусть завывает снежная буря, -
Духом превыше ледяных вершин,
Скалы нахмуря, ущелья сощуря,
Старый Давид стоит — не один!

У окна

Там обожженные поля,
Там вытопанные луга,
Там обнаженная земля-
Земля мол пуста, нага.

Я здесь на дерево гляжу:
Покровы содрала зима,
Один скелет... какая жуть!
Не смерть ли то глядит сама?

Но знаю: прибывает день,
Но слышу соков тайный ход...
Весна, листвой его одень!
Весна, вперед! Весна, в поход!

Так зацветут и там луга,
Заколятся вновь поля,
Как молодой весны загар-
Воскреснешь ты, моя земля!

Смерть узка

О, как же смерть узка! Хочу разлиться шире:
В дыхании воздуха, и света, и тепла,
Чтоб пело, плыло все в моем подлунном мире
И чтоб душа, не отцветав, жила.

Достоин ли мой стих сей участи желанной,
Дано ль ему дышать в дыхании мировом,
Иль затеряется в голубизне пространной,
Или уснет забвенным мертвым сном?

Мой голос и напев даны природой русской,
А мудрости душа училась у любви,
Не оттого ли смерть и кажется мне узкой?
Сердечное тепло мое, живи!

Дворики в Тбилиси (Рисунок пером)

Везде переходы,

Идут переходами люди;
Видишь то ноги, то головы, груди-
Точно натура для студии,
Рисуй переходы:
По ним пешеходы -
Как струи, как воды.

И вправо, и влево
То профиль увидишь, лицо, а то спину:
Не целое, нет, а вполовину,
А не то в четвертину;
То вправо, то влево,
Как зерна посева-
Мужчина, старуха иль ева.

Тут так и погода-
То дождик шумит, а то вёдро,
То скорбно, понуро, то бодро,
Смешливо, задумчиво, гордо:
Так и погода
Особого рода -
В стиле народа.

И вновь переходы-
Балконы, террасы,
Картошки и лоби запасы,
Быт, бытие без прикрасы:
Забята про моды-
Приходы, расходы,
По ступеням переходы.

Утро ли, вечер,
Дневной ли порою-
Теплой январской зимою
Будто стоишь над Курюю:
Шепот и речи,
Смешенье наречий,
Разлуки и встречи,
Народное вече-
Утро и вечер.

Так и стихи о Тбилиси-
Как капли дождя о кустарник,
Как под солнцем цветущий татарник,
Из окошка склонившийся странник.
Все охватить и не тцися:
Гордые горные выси,
А меж отрогов — Тбилиси.

Так свободно и вольно
(Тому есть примеры:
Храня чувства меры,

Чуточку путать размеры)
Нарисовал я невольно
Этот узор май игольный-
Город и гордый и вольный:
Горний и дольний.

Грузинская сказочка

У меня ль, у несчастной старухи,
Крысы зубами жнут ниву,
Перевесла львицы готовят,
Барсы снопы мне вяжут,
Горные духи в арбу запряжены,
На гумно везут копны,
Молотилку крутят олени,
И на каждом сидит ангел,
Песенку напевает;
Кабаны мне гумно поправляют,
Лисы гумно подметают,
Медведи мешки таскают,
В подвалы зерно опускают,
Волки на мельницу скачут,
Пшеницу на мельнице мелют;
Жаворонка отсылаю на небо,
Чтобы все птицы собрались;
Тетерев мне муку просеивает,
Куропатка тесто месит,
Сорока скалкой катает,
Голуби пекут лаваша,
Горлицы достают их из печки,
Ласточки кладут на подносы;
Птицы за стол садятся,
У старухи они как гости.
Сами птицы сажают фазана
За красоту его в середине,
А собаку, беднягу-дворягу,
На самый конец стола гонят,
Скворца же сажают поближе,
Чтоб он им поиграл на чонгури.

Поэтам Грузии

Поэты Грузии — Куры журчанью
Сродни, и ветру, щебету листвы.
Давно уже знакомы по названью,
Но лишь теперь мне приоткрылись вы.

И, мнится, я дыханье различаю
Особое — вот тут, и чуть иное здесь;
Стакан вина, с лимоном чашка чаю,
Ищу я слов, прислушиваясь весь.

Мы с музой вместе в горы поднялись
От яблони родной, но, бытие здесь для,

Отрадно мне с поэтами Тбилиси
Вдруг процвести и веткой миндаля.

Я вновь Москву увижу не на карте,
«Мшвидобит» вам скажу иль русское «прости»,
Пока же здесь дышу дыханьем Картли,
Дабы ваш стих до русских донести.

Вечернее детство

И вечер бывает ребенком,
Гляди: поразвесил пеленки
Прозрачный и ровный закат;
И день отлетает далече,
Взамен улыбается вечер;
Родиться, как всякий, он рад.

И выглянет — пепельный, томный,
Не светлый взойдет и не темный,—
В уборе из палевых лент;
И сколько же сменит он мантий-
Вращенный закатом романтик,
Отчасти же и декадент.

Нам внятны те зыбкие вздохи-
Нам, детям вечерней эпохи,
Не знавшим жары, ни огня;
Но дожили: сквозь занавески
Мы солнце увидели в блеске
Просторного, долгого дня.

Реки

Вот река: завели с ней знакомство-
Глубоки ее воды, широки,
Не дробится река на потомство,
Но в себя поглощает притоки.

Вот у дуба дочерние ветви-
Порожденье ствола основного,
И рождает, поит их столетний,
Что ни год, то все снова и снова.

Человеческой жизни подобный
Возрастает, пленяя нам взоры:
И у нас ведь — под костью надлобной -
Тех же веток-извилин узоры.

С чем же реку сравню я в природе-
С жизнью полнящейся, недробимой?
Не найти ли мне сходства в народец?
Что ты скажешь, народ мой любимый?

Ты не пел ли про матушку Волгу,

Про Хвалынское синее море?
В песне трудной, и ладной, и долгой
Изливал ты и радость и горе.

Не в тебя ли, о родина, жизнью
Наших быстрых впадают потоки?
Песня всплеском у берега брызнет
И в простор понесется широкий.

Так: бывают сыновние муки,
Так: бывают дочерние слезы,
Что тебя обнимают, как руки,
Что тебя оплетают, как лозы.

Звезда
Ночь и луна, и зыбкого тумана
То здесь, то там заблудшие стада-
Все это явь, не сон и не нирвана:
Горит меж облаков моя звезда.

И с ней — совсем как с совестью своею,
В дыхании нелицемерных гор,
Лишь только ночь прохладою повеет,
Я завожу неспешный разговор.

И колыбель, и розовое детство,
Причудливую юность и стихи,
И чтоб свое, что получил в наследство,
И чистоту, и разума грехи,—

Ты освещала все своим сияньем,
Звезда души — родимая звезда!
Но был ли сердцем я с тобой слиянным
На всех путях моих — везде, всегда?

Порою тучи небо закрывали,
Не зная сам о чем, я тосковал,
Писал себе я новые скрижали,
А старые, как сон, позабывал.

Пусть сон и явь нам суждены природой -
В противоречьях трудного пути,
Преодолев мучительные роды,
Себя найди и правдой зацвети!

Родное

Сколько рек, и ручьев, и журчанья
На родимой на нашей земле,
Под луной голубого молчанья,
Щебетанья в предутренней мгле!

Полны вольного чувства просторы
И раздумчивой мысли леса,
Звезды смотрят в очи-озера,
Где плывут облаков паруса.

Так от самой моей колыбели
До укутанных в иней волос
Голоса мне родимые пели,
И дымилось сияние рос.

Никли хмеля зеленые косы,
И светло трепетали кусты,
Земляничкой горели откосы,
Улыбалась мне, родина, ты!

Сколько сказок прослушано мною,
Сколько песен струится в груди,
простотою и мощью какою
Дышишь ты — позади... впереди!

Впереди — ибо верю и знаю,
Что, бессмертия, ты не умрешь.
И опять вся от края до края -
На века — зацветешь, запоешь!

У Грибоедова

Кипарис у чугунной решетки,
Церковь древняя в сером плаще,
Щебетанье пичуги залетной,
Солнце луч на могильном плюще.

Здесь того приютили как сына,
Кто умел и любить, и страдать,
Не умел давать вполовину,
Но умея все сразу отдать.

На заре

Юный весенний росток,
Бледнозеленная хвоя,
Чуть розовея, восток
Чуть пронизал голубое.

Только дыханье зари,
А уже песне не спится,
Не с кем еще говорить,
А уж творенье творится.

Коли достоин, испей
Ту мирозданья беспечность:
Это мерцанье лучей -
Как мимолетная вечность.

Казбек и Терек

(Из Ильи Чавчавадзе ¹)
Казбек и Терек! Ни единое
Не кроет облако снега.
Серебряной блестящей льдиною
Стоит гора — бела, строга.

Она приводит в изумление,
Как в панцырь — в лед одета грудь:
Тревога, суета, волнение
О них не мыслит и вздохнуть.

Казбеку шапкой - — небо синее,
Как лапки для него земля,
Стоит старик в спокойном инее.
Лишь ледники едва звенят.

Той немоте и безразличием
В сиянии медленных лучей,
Тому бесстрастному величию-
Не поклонюсь в душе моей.

Но там внизу, под высью льдистою
Сей отрешенной чистоты,
Благословен да будь — единственный,
Бурливый, мутный Терек — ты!

Твой зов звучит как повеление,
Как голос боевой трубы:
Далек от самоупоения,
Кипишь для жизни и борьбы.

Достоин образ тот признания:
И плеск, и шум страстей полны,
И мусор мчишь ты с рокотанием,
Как скорбный пепел всей страны.

Остановись хоть на мгновение -
И лужей грязной станешь стыть:
Лягушек кваканье не пение,
Его тоскливость не избыть...

Движенье, Терек, лишь движение
Дарует миру силу жить!

¹Этот отрывок из прозаической вещи Ильи Чавчавадзе «Записки проезжего» исполнен такого

поэтического движения, что захотелось передать его в стихах.

Сказка

Серный источник сочится из гор,
Серна купает в той лужице взор.
Тихо, безлюдье, шиповник цветет,
Благоухают цветы, будто мед.

Люди пришли и источник нашли,
Слава о водах — вблизи и вдали,
Стелются толпы, как зыбкий ковыль,
За костылем поднимая костыль.

Серные воды берут их тела
И вымывают болезнь добела,
Радость шиповником в них зацветет,
А благодарность на сердце — как мед.

Толпы сюда — и надежда, и страх!—
Двигутся робкие — на костылях,
А, возвращаясь, — костыль за горой!—
Резвыми сернами скачут домой.

На прощанье

На дальнем юге бродит северянин
И мысленно ведет о нем рассказ:
Все тот же мир, но он немного странен
Для этих любопытствующих глаз.

Домов над ярусом нависший ярус
Медведица на крыше сторожит,
А месяц новый, что у нас как парус,
Порой здесь легкою ладьей лежит.

Цветы зимой... Но каждый русский ахнет,
Когда, храня весенний, талый вид,
Подснежник вдруг черемухой запахнет
Иль веткой вербы назовут самшит.

Запомнится, как ласточки — мерцхали,
Задержанные на пути войной,
Как беженцы теснимые, мерцали
В час вечера гонимую толпой.

Запомнит он и осликов шершавых,
И рядом куртку в куртке расписной,
Порошу снега на зеленых травах,
Глазок фиалки теплою зимой.

Запомнит все: и небыли, и были,
И ветерок как русский налетал,
И как всерьез малютка швили-швили¹

Однажды бабуа² его назвал.

¹Швили-швили — внучек.

²Бабуа — дедушка.

На Урале

(1943)

Самолет «Александр Пушкин»

Попрежнему — да, за Уралом война,
Попрежнему — в муках родная страна...
И мысли, и сердце, и чувства все — там!
Но что же я здесь моей родине дам?

И помню, как если бы было вчера,
Седою уральской зимой вечера-
О Пушкине чтение и устный рассказ,,
Слежу выраженье внимательных глаз,

А сам говорю за заводским столом,
Как если бы стал за рабочим станком:
Звено за звеном, за деталью — деталь...
Послушна руке вороненая сталь!

Так, русские, мы и наш русский поэт,
Чьей музы не гаснет пленительный свет,
Победный предчувствуя вольный полет,
Совместно сковали ему самолет.

Домик

М. Н.

Видит: домик в три окошка,
Слякоть, грязь на мостовой...
Стукнул в раму: — Хоть немножко
Дай попить... Да чуть постой!

От других бойцов он слышал:
— Выше, ниже — не ходи.
Домик — вон, под узкой крышей,
Постучи и погоди-

Выглянут, дадут, приветят-
Люди там! — И вот она
В предвечернем полусвете
Появилась у окна.

И сама заговорила-
Свежесть словно от реки;
Будто сумрак озарила
Мановением руки.

Как прибавил это слово:

«Чуть постой!» — и сам не знал...
Столько нежного, простого
Этим словом он сказал.

И вода желанней вдвое:
Хорошо на свете жить,
Коли сердце ключевое
Так умеет напоить!

Постояли, поболтали...
Тишина; зардел закат;
Ветер набежал из дали;
Думы тихо шелестят.

— Что ж, прощай! Опять дорога
И сурова, и строга...
Подышал с тобой немного,
Да навек ты дорога!

Сынок на войне

Запоздалая нежность: малина
Дозревает под снегом в саду;
Поброжу и, быть может, для сына
Хоть одну я малинку найду.

И увидела: в снежной оправе -
Проморожена, да хороша!
Будто утром откинули ставень,
И вольнее мне стало дышать...

Никому ничего не сказала
И ту ягодку не сорвала:
Как на бранных полях побывала,
Не сорвавши, ему подала.

И глядела малинка сквозь иней,
Приподняв запушенную бровь:
То, что верно, вовеки не минет-
Запоздать не умеет любовь.

Песенка

Юность моя, сады мои,
Юность моя, снега мои;

И зимой соловей поет,
И зимою цветами лед;

Тронуть их — никто не моги,
Соловья спугнуть — не моги:

Соловей — он во мне поет,

Соловей — как мечты полет.

* * *

Юность моя, цветы мои,
Юность моя, слезы мои;

Солнце в капле слезы горит,
Солнце сердцу так говорит:

«Ты от мира слезу тай,
А лучей моих — не тай!»

И сейчас — как слеза горит,
Солнце тоже так говорит.

Наша березка

Кругом снега, а на окошке
Березка малая живет,
Тепло от печки и от кошки:
Лучей весны березка ждет.

И вот, еще снега дымятся,
Лучи сказали: «Нет, не спи,
Взгляни-ка в солнечные святцы,
Дымком зеленым продыми».

Совету светлому внимай,
Еще февраль — весны полна:
«Вы ждите там себе до май,
А я — сегодня зелена!»

Как женился

Как женился? Да что ж, погоди, расскажу.
Я такой человек по натуре своей:
Верю всякому зверю — хоть кошке, ежу,
Ну, а женщине — верить ли? Дай погожу...
И, однакож, товарищ, доверился ей.

Так бывает на свете: другие глядят,
Мимоходом промолвят: «Да так, ничего...»
А тебе и движения все говорят,
И ресница как дрогнет, расчесан как ряд...
— Что ты так поглядела? — И слышу: — Кого?

Да: не «что», а «кого» говорит наш Урал
Так спросила... еще поглядела... молчит.
Ты когда-нибудь, брат, на Урале бывал?

Самоцветов в ладонь никогда не бирал?
Заслонилась вопросом: как яшмовый щит!

Шла дорога в лесу. Теплым запахом хвой,
Солнцем, щебетом птиц все вокруг залит
Я иду, и как будто уж сам я не свой,
И смеюсь, и чего-то робею... — Постой,
Дай вязанку тебе донесу! — А пошто?

И взглянула: взаправду ль?.. И снова молчит.
Не вязанку, а взял бы ее самое!
Горных наших озер ты видал малахит?
Не видал, в малахите как солнце горит?
Все бы ты увидал, поглядев на нее!

Что поделаешь тут? И сказал, как умел,
Все сказал шепотком: как люблю горячо,
Что давно повстречать я такую хотел...
Никогда, понимаешь, я не был так смел.
Отвечала, потупив глаза: — Ну так чо?
Так-то, видишь ли, вот и случилось со мной,
Это надобно сердцем, браток, понимать...
Л теперь до свидания, пора и домой.
Я, товарищ, доволен уральской судьбой:
Дома ждет не дождется — ребят моих мать!

Молодая вьюга

Снежинкою дано ему порхать:
В природе вьюга, под лопатой вьюга...
Поймать его не думай — не поймать,
Коль молодость опять ему подруга!

Смешной старик! Кому его ловить?
Скользящая сквозящей паутинкой
Седых волос серебряная нить
Сама летит за легкою снежинкой.

Мороз кусает руки и лицо,
И вот зовут... Не хочется; придется;
И — на крыльцо; а вьюжное кольцо
Врывается за ним, и бьется, вьется.

Поймать кому? Поймать так может — смерть!
Не смел бы ты и выходить из дому...
— Ах, я еще не разучился сметь,
И лучше умереть по-молодому!

Борька

Ходит кот наш в уральской дохе,
Так пушист — уж не кот, а енот!
Не одной там раздолье блохе:
Настоящий — потомственный кот.

Как вельможа, ступает чуть-чуть,
Мелодично мурлычет порой,
Черным лебедем выпятит грудь
Под хозяйкиной теплой рукой.

И нежна до кота та рука,
Но — с колен! — и опять господин:
На полати, как белка, с шестка,
И гуляет по печке один.

А в обед ли иль в завтрак — как свой,
В праздник и побалуют слегка:
У хозяйки блеснет перстенок золотой,
Перстнем острым прочешет бока.

Нам старушка его принесла.
— Покормите до марта кота.
Каждый год, как настанет весна,
Выстригаю его до хвоста.
И жилетку, и варежки мне,
И носочки для внучки моей
Каждый год он дает по весне,
И на свете нет шерстки теплей!

Борька слушает ту похвалу
И доволен: сужу по усам,
И проходит, вскочив, по столу-
Как боярин... как Меньшиков сам!

А как эти прослушал стихи,
Промурлыкал отчетливо кот:
«Только нет ни единой блохи!»
И он прав — мой пушистый енот.

Топка печки в Каменске-Уральском
Что бы ни делал ты, делай внимательно.
Вот я — писатель., и я — истопник.
Печку топить — как рассказ занимательный:
К печке приник я, и в топку я вник.

С вечера надо поленья подсушивать,
А для растопки содрать бересту:
Любо тогда огонечки подслушивать,
Как затрещат язычки в высоту.

Если с расчетом положены, правильно,
Дружным огнем загорятся дрова,
Будут чадить, коли клали их завалью:
Не истопник — кто поспешно совал!

Ходы заранее делай для воздуха,

Чтоб пронизало огнем их насквозь,
Запламенеет береза без роздыха:
Станет единым, что клалось врозь.

Позже на эти горящие ярусы,
Чтобы сравнять их — да, да, в толщине,
Чурки подбрасывай с медленной паузой,
Так поровней догорят на огне.

Всякая мелочь, подробность, как в повести,
Коль согласованы будут тобой,
Скажешь домашним приятные новости,
Дело покончив со вьюжкой, с трубой:

- Троньте-ка печь! Осторожнее пальчики...
Каменск-Уральский морозен, друзья, -
Летомдохните — как в солнечном Нальчике:
Печку топил... (ну, и с гордостью) — я!

Равноденствие

Мороз и солнце спорят крепко.
Лучи — разят, снега — броня.
Мороз за каждый кустик цепко
Стоит, кусаясь и бранясь.

Что ляжет в тень — ему отрада:
Опять владение мое!
А солнце огибает, радо
Вонзить горячее копьё...

И если ночью он владыка-
Старик с седою бородой,
То днем, на солнце — срам великий!—
Готов и сам истечь водой.

А время держит курс на лето,
И время не стоит, не ждет:
Глядите, солнцем как прогретый
Вот тронется и самый лед!

Весна шагнет, — ручьи по следу,
Сосулек никнет острие:
Что час, лучи крепят победу-
За дело правое свое.

Старое дерево

Сновиденья, как тучки, нависли,
Сонный мир озаряем звездой,
Но, как птицы, бессонные мысли
За ночь вьют, завивают гнездо.

И чем дерево старше, тем гуще
Тех извилин-ветвей переплет,
А как утро,— из чащи, из кущи
Птицы в мир совершают полет.

И уж это не мнится, не снится,
Это радость моя наяву,
Это мысли слетают; как птицы,
И я людям пою: я живу!

Мелодия

Жизнь коротка, как звук мелодии.
Так что ж, и в миг сумей вложить
Всю полноту: «Живу в народе я,
И с ним меня не разлучить!»

И если суждено доподлинно
Народной думоюдохнуть,
Тебя, как мать, обнимет родина,
А с ней в веках — бессмертен путь.

Народные сказки (1941; 1942; 1943;)

Воронье кони

(Кбардинская народная сказка)

Посвящается

О. М. Новиковой

1

Под улыбкой солнца горы белы,
Шелестит зеленая долина,
Люд шумит, смеется по аулам,
Девушки на милых смотрят гордо,

На вечернем небе горы сини,
Над рекой колышутся туманы,
Затихает шум в рабочих ульях,
Девушка по милому вздыхает.

Ночью кони идут воронье,
Объезжают горы и долины,
Звездочки на лбу у них блистают,
Девушки о милых горько плачут.

2

Кабарда раскинулась в предгорьях,
В диких грушах, в златокудрых кленах,
В жарких стрелах солнечного бога,
В ледяном дыхании Дых-Тау.

Счастье бродит меж листвы зеленой,
Горе точит клюв на каждом камне,—
Как поймать в ладонь кусочек солнца?
Горе как скопнуть в обрыв глубокий?

В утра, дни, и вечера, и ночи
Дума-думушка журчит, как речка:
Как тропу найти между ущелий,
Как судьбу сыскать нам человечью?

3

Любят девушку два близких друга,
О любви молчат они друг с другом,
Девушка заметила обоих
И себе не находила места.

— Ты о чем печалишься, дочурка?
— Я о том, отец, печалюсь, чахну,
Что меня два друга полюбили:
Дружба их из-за меня погибнет.

— Не печалься, дочка, не кручинься,
Позову я их, и потолкуем,
Потолкуем мирно и любовно,
Пусть за них сама судьба решает.

4

Пригласил он молодцов обоих,
Угостил их хмельною бузою
И повел открытую беседу,
Объявил отцовскую им волю:

— Оба дочь вы любите, и оба
Стать готовы верными зятьями;
Дружбу на вражду вы не меняйте,
Испытайте-ка судьбу-удачу.

Дочь свою тому из вас отдам я,
Кто доставит за ночь к коновязи
Пару коней вороных, красивых -
Коней с белой звездочкой блестящей.

5

Разошлись два друга, не враждуя:
Не они судьбу свою решают,
А за них сама она укажет
Долю светлую иль долю горя.

Старший друг отправился в дорогу,
Редких коней отыскать мечтая,
Младший думает: «Не отыщу я,
Если мудрость путь мне не укажет!»

6

- Нынче ночью я достать их должен!-
Тут старик взглянул и улыбнулся:
Точно птица крыльями взметнулась,
Точно молодость свою увидел.

- Горячо ты это молвил, сын мой!

Пусть аллах пошлет тебе успеха.
Дам тебе я белую кобылу,
Ты на той кобыле будешь к сроку.

У владельца вороных тех коней
Нынче свадьба, вздумал он жениться.
Поспешай, веди себя с рассудком,
Крепко думай о своей любимой.

7

Парень сел на белую кобылу,
Ветер свищет, как волна морская,
Звезды светлой кружатся метелью,
Дума в сердце о своей любимой.

Вот и сакля. Свадебные свечи.
Гости, шум, вино и поздравления.
Сам хозяин на крыльцо выходит,
Гостя незнакомого встречает.

— Ты женился нынче. Я жениться
Собираюсь завтра. Но для тестя
Мне нужны те вороные кони,
Что на лбу со звездочкою белой.

8

Поглядел внимательно хозяин
И промолвил гостю: — Понимаю.
Горячо ты, друг, сказал. Получишь
Все, чего так пылко ожидаешь.

Но тебе не довести их ночью.
Я их сам доставлю, а покуда
Ты иди в мои покои, дунешь
На огонь и ляг с моей женою.

И исчез, а гость вошел в покои,
-Дунул на светильник и разделся.
Но кинжал из ножен тихо вынул,
Положил меж нею и собою.

9

Ночью кони идут вороные,
Объезжают горы и долины,
Звездочки на лбу у них блистают.
Молодая на кинжал косится.

Удивлялася она на мужа,
Но молчала, век не размыкая,
Явь и сон дышали тоже рядом:
Не понять, что въяви, а что снится...

В полночь муж вернулся. Гость поднялся
И ушел. Жена смеялась мужу:
— Что ты шутишь? То кинжал положишь,

То теперь ложишься без кинжала!

10

Старший друг вернулся без удачи,
Пил на свадьбе младшего из чаши,
Но хоть слезы падали в ту чашу,
Дружбы он не заменил враждою.

И зажили молодые ладно,
И отец глядел на них с улыбкой,
И любил он вороных тех коней,
Коней с белой звездочкой блестящей.

А хозяин прежний их счастливо
Только год прожил с женою верной,
Через год скончалась подруга,
Улетело счастье за горы.

11

И задумал он: «Пойду-ка к гостю,
Погляжу на вороных тех коней,
У счастливого спрошу-ка счастья,
Не найду ли там жену другую».

— А! Добро пожаловать, друг милый!
Что невесел, что печалью дышишь?
— Горе, друг: жена моя скончалась,
Пособи сыскать жену другую.

Ввел в кунацкую хозяин гостя,
Ночь проговорили до рассвета,
А с рассветом оседлали коней
И пустились в дальнюю дорогу.

12

Едут день, и два, и три, неделю,—
Нет удачи, нет жены по сердцу:
Много по аулам ясноглазых,
Да забыть покойную не может.

То с лица красива, — голос грубый,
То поет как птица, — нет улыбки,
То пленит улыбкою, а взоры
Неприветное откроют сердце.

Запылились, затомились, лица
Обожгло и ветром и росой,
Едут шагом, слова не промолвят,
Воротились и пошли купаться.

13

Только видит гость: проходит мимо
С кувшином сторонкой, прямо к речке
Женщина: красавица душою...
Стал как вкопанный, оборотился.

— Мы скакали целую неделю,
Объезжая горы и долины,
Истомились, очи проглядели,
Л гляди — она в твоём селеньи.

Опустил глаза хозяин, молвил:
— Хорошо. Пойдем теперь обратно.
Ты свою любимую получишь,
Мне она родня, я прикажу ей.

14

Так-то счастье близко обернулось,
И уехал гость с женою, друга:
Только взглянет — сердце словно птица,
Тронет руку — крылья за спиною.

Обвенчались. Прибыли. Разделись.
На постель легли. Она смеется.
— Что, жена, смеешься надо мною?
— А тому смеюсь я, что смешно мне!

Так неужто никого не мог ты
В жены отыскать себе, как только
Ту, которую нашел для друга,
Подаривши вороных тех коней?

15

— Ты жена ему? — спросил. — А кто же?
Муж твою услугу твердо помнил
И в долгу решил не оставаться,
А ему послушная жена я.

Тут с постели он вскочил пуховой,
Сам оделся, ей велел одеться.
— Так и он жену мою не тронул.
Будь же мне родимую сестрою.

Как вернулась женщина с почетом,
Позвала сестру свою меньшую,
За названного отдала брата,
Чтобы жили в мире да любви.

16

Под улыбкой солнца горы белы,
Шелестит зеленая долина,
Люд шумит, смеется по аулам,
Те, кто любят — те рука с рукою.

На вечернем небе горы сини,
Над рекой колышутся туманы,
Затихает шум в рабочих ульях,
С трубкой муж, жена — у колыбели.

Ночью кони идут вороные,
Объезжают горы и долины,

Звездочки на лбу у них блистают,
Тихий сон над мирною семьею.

Нальчик — Долинск
1941

Девушка-фиалка
(Грузинская народная сказка)

1

Семь сыновей возрастила старушка,
Дочка — восьмая, красавица Иа:
Лишь улыбнется — проснутся фиалки,
Благоухают, кивают навстречу.

Воды любили красивую Иа:
Только пойдет она утром на речку,
Издали шлют ей приветную ласку,
Путь застилают ей свежей прохладой.

Братья ласкали ее, баловали,
Старая мать на нее не надышит,
Только пичуги над Иа кружились:
«Иа, пожди: над тобой — суматоха!»

Слышала мать, как щебечут пичуги,
Сердце сжималось предчувствием горьким:
«Тихой такой — суждена суматоха;
Нежной моей — предстоят перепалки...»

2

Девушку мать охраняла, и зорко
Подстерегала: нейдут ли напасти?
На люди дочку совсем не пускала:
Дочка скучала одна без подружек...

Праздник. По улицам люди гурьбою
В город идут — веселиться на площадь,
Братья цветные рубахи надели,
Кудри намазали маслом... А Иа?

Иа заплакала, просится тоже,
Мать поглядела, вздохнула, сказала:
— Ну уж иди... Да глядите за нею,
Глаз не спускайте с любимой сестренки!

Все и пошли, весела была Иа.
По мосту братья, а Иа за ними.
Братья прошли, — перед девушкой башня.
В башню вступила — и двери закрылись.

3

Двери исчезли, и окна исчезли,
Башня стоит, как немая, глухая,

Птицы летят молчаливою стайкой...
Братья вернулись, и мать зарыдала.

Вечером шел мимо башни прохожий:
Взором не видя, увидел, кто в башне,
Слухом не слыша, поймал он стенанья,
Пальцем повел — и открылись все двери.

И бородой покачал, как туманом,
И поманил за собою девицу:
— Семь дочерей меня ждут-поджидают,
Будешь восьмою — любимую дочкой!

И не противилась Иа приказу,
Робкой пичужкой тихонько вздохнула,
Будто ее ветерком подхватило:
Новые сестры ее обнимают...

4

Новые сестры так ласковы с Иа,
Холят, целуют, ведут хороводы,
Косы плетут, угощают шербетом
И берегут от прохлады вечерней.

Новая мать ей сказала однажды:
— Дочка, а ну... в голове поищи-ка!—
Голову ей на колени склонила;
Пальцами девушка сон приманила.

Пальцами ищет, на ногте прищелкнет.
Что это? В косах как звякнуло что-то...
Ключ!.. Отплела и подходит тихонько
К двери закрытой, ковром утаенной...

Дверь отворилась, и девушка видит:
Цепь, на цепи сидит дэв одинокий,
Глазом вращает да ухом махает...
Дверь на замок, ну и ключ опять в косы!

5

Новая мать ничего не слыхала,
Девушка ей ни словечка, и снова-
Было иль не было? — все как и прежде,
Только задумчива девушка Иа.

Вот улучила минутку старуха,
К дэву вошла — как всегда, приласкаться.
Глазом вращая да ухом махая,
Дэв приласкал, но, лаская, промолвил:

— Ты хороша: это знаю, Тамара;
Дэв твой хорош: это верно, Тамара;
Только всех лучше на свете Фиалка,
Только милее всех — Дева-Фиалка!

Как услышала старуха, взбесилась,
Бросила дэва, и стонет, и плачет:
— Ой, нездорова! — да: — Ой, умираю!
Только Фиалка одна мне поможет!

6

Муж ее был и колдун и всезнайка,
Но в подчинение ходил у старухи,
Дэва терпел он, жену было жалко:
— Что пожелаешь ты, все я исполню!

Стонет старуха, аж пена от злости,
Хищною птицей на Иа взглянула.
— Слушай, старик: ты убить должен Иа,
Скушать мне дай ее сердце-печенку.

— Как же убить ее? Мы полюбили
Девочку, что нам доверилась, это
Грех перед богом. — А грех предо мною?
Коль не убьешь, я с постели не встану!
Месяц прошел, и другой, истомила
Мужа старуха: нет силы, нет мочи!
Девушку вместе со старым слугою
В лес он, по ягоды будто, отправил.

7

Старый слуга прихватил собачонку.,
Вырезал сердце ей, вырезал печень...
— Ты же иди подобру-поздорову,
Пусть тебя бог охраняет в скитаниях!

Иа простилась, пошла, а старуха,
Съевши собаки той сердце-печенку,
Песни запела, здоровою встала,
Будто она и совсем не хворала.

Думает: «Вот, как приду теперь к дэву,
Больше не скажет, что лучше Тамары,—
Молвить не сможет, что краше Тамары -
Будто бы есть в этом мире девчонкам

Дева меж тем одинокая бродит,
По свету ищет приюта и пищи,
Снова кружатся над нею пичуги:
«Иа, пожди: над тобой — суматоха!»

8

Дэвы Кавказа селились в пещерах,
Ночью оттуда они вылетали,
К свету с цветущих долин возвращались:
Не тяжела им любая добыча!

Так-то и Иа к огромной пещере
Ночью добралась и стала у входа.

Девять здесь дэвов давно обитали,
Восемь ушли на охоту ночную.

Восемь ушли, а девятый остался.
Нюхает носом хромой тот, девятый:
— Что за творение стало у входа?
Что ты стоишь и о чем ты там плачешь?

Носом повел: — Тут и птица на небе
Путь отклоняет над нашим жилищем,
И муравей огибает сторонкой,—
Кто же ты: храбрая или несчастна?

9

— Да, я несчастна, — Фиалка поникла,
Все рассказала доверчиво дэву...
Глянул лохматый, минутку подумал
И протянул ей косматую лапу.

— Девять нас братьев, — сказал он в раздумье.—
Долго живем, а сестры не знавали.
Грязно живем: оставайся сестрою,
В нашем доме будешь чистой хозяйкой!

Но уж светает. Глядишь, мои братья
Вот-вот вернутся из дальних полетов.
Спрячься покуда, не цапнули б лапой:
Мы горячливы, и мы озорные!

Спрятал он Иа, и только что спрятал,
Крылья захлопали, ветер поднялся.
— Что это? Запах потомка Адама?
— Вы принесли этот запах с собою!

10

Мясо оленья зажарили дэвы,
Поохотали, попили, поели,
Носом повел остававшийся дома:
— Девять нас братьев, — сестры ни единой!

Дэвы размякли, разнежились: — Что же?
Быть бы с сестрою нам вкупе и влюбе,—
Где ее взять-то, какая девица
Не устрашится? — Да вот она — с вами!

Иа смущалась, и Иа робела,
Но помаленьку привыкла к названным,
Стала хозяйкою: весь распорядок
В доме — ее; подчиняются дэвы.

Стало в пещере тепло и уютно,
Дэвам Фиалкою не нахвалиться:
Песни поют про сестру дорогую,
Лапы сосут, коли слушают сказку.

Месяц спустя к своему запертому
 Дэву старуха вошла приласкаться.
 Глазом вращая да ухом махая,
 Дэв приласкал, но, лаская, промолвил:

— Ты хороша: это знаю, Тамара;
 Дэв твой хорош: это верно, Тамара;
 Только на свете всех лучше Фиалка,
 Что проживает сестрою у дэвов,

Корчи схватили старуху от гнева,
 То кочергой старика, то ухватом:
 — Ах ты, собака! Меня обманул ты,
 Из дому вон убирайся проворней!

И старика проводила с наказом:
 — Вот тебе фруктов корзина — отравы
 В каждом из них: от кусочка подохнет,
 Иначе я не жена тебе больше!

Стал и хромой уходить на охоту,
 Иа одна сторожила пещеру.
 Видит однажды: какие-то тени -
 Палка, старик и с плодами корзина...

Вскинула глазом.— Как здравствуешь, дочка?
 Что же ты, дочка, от нас убежала?
 К старшей сестре своей — ну-ка, на свадьбу
 Живенько, милая: сестры заждались.

— Коли любили, зачем же губили?
 К вам не пойду ни сегодня, ни завтра!
 — Воля твоя, так хоть яблочко скушай.
 — Яблочко дай, я без яблочек скучаю.

Дэвы вернулись с охоты: от Иа
 Бледная тень у костра оставалась...
 Дэвы вздохнули, сундук сколотили,
 С девой уснувшей на воду спустили.

Плещутся воды и, как в колыбели,
 Деву-Фиалку качают, ласкают,
 Шепчут Фиалке: «Ты будешь царевной,
 Спи, отсыпайся, цветы еще краше!»

К берегу волны сундук у столицы
 Тихо прибили... Гуляет царевич.
 — Ну-ка, откройте сундук! — А оттуда -
 Дева фиалкою благоухает...

И просыпались окрест все фиалки.

Иа, во сне отдохнувши, сияла,
Будто росой осыпана: мягкой,
Дружеской, плещущей, сказочной лаской.

Только пичуги, как в церковь царевич
Иа повел по коврам златотканым,
Только пичуги кружились над нею:
«Иа, пожди: над тобой — суматоха!»

14

Время бежало, и к дэву старуха
Снова, как прежде, вошла приласкаться.
Глазом вращая да ухом махая,
Дэв приласкал, но, лаская, промолвил:

— Ты хороша: это знаю, Тамара;
Дэв твой хорош: это верно, Тамара;
Только на свете всех лучше Фиалка,
Только милей всех царевна-Фиалка!

Снова ухватом, опять кочергою
Мужнину спину старуха утюжит:
— Ах ты, собака! Своим наговором
Сон ты наслал, а не смерть... Ах, собака!

Долго не думая, плюнув на мужа,
Дэва без пищи оставив в затворе,—
Прямо к царевичу (был он в отъезде):
Деву-Фиалку ножом заколола...

15

А заколов и обличье принявши
Мертвой царевны, легла на постелю;
Муж поглядел, возвратясь: и Фиалка
Будто, жена... и совсем не Фиалка!

Деву же бедную бросили в воду.
Рыбкой она золотой обернулась,
Воды любимицу нежно ласкают,
Плавает, светит, как малое солнце.

Раз из гостей возвращался царевич
С думой на сердце, с печалью во взоре...
Будто зовут... наклонился над речкой,
Рыбка скакнула и — прямо в ладони!

Как полюбил эту рыбку царевич!
Днем от нее не отходит, и ночью
Встанет, глядит, как в бассейне резвится,
Ведьма ж — одна на постели, и злится.

16

Злилась да злилась, и как заболела,
Охает, стонет: — Убейте мне рыбку,

Скушаю рыбьего мяса и встану,
А не дадите, — умру на постели.

Что же царевич? Не смог отказать он.
Ведьма кричит: — Все до косточки дайте,
Чтоб позвонок ни один не остался!—
Все же один плавничок уронили.

А уронили — и вымели с сором.
Тот плавничок как росточек фиалки:
Только коснулся земли — потянулся,
Да не фиалкой, а тополем стройным.

Ночью и утром, и день весь, и вечер
Юный царевич под тополем юным.
Тополь нагнется, и тонкие ветви
Скроют царевича — девичьи косы.

17

Девичьи косы иль девичьи руки...
Ведьму же снова печенка терзает:
— Тополь срубите, и тополь сожгите-
Весь до последней до крохотной щепки!

Снова над тополем вьются пичуги:
«Иа, пожди: над тобой — суматоха!»
Тополь ветвями-руками колышет,
Он огневое дыхание слышит.

Тополь рубили, и шла тут старушка,
Малую щепочку спрятала в фартук
И на шесток у себя положила:
«Печку топить — вот и будет растопка!»

А отвернулась — огонь уже в печке!
Чистую тряпочку щепка, как фартук,
Ловко надела, посуду помыла:
- Сядь-ка за стол да лапшицы отведай!

18

Чудо — не щепка! Старушка поела,
Чаю попила, погладила щепку,
С теплою лаской на щепку взглянула:
Иа тотчас же собой обернулась.

Глянет в окно — зацветают фиалки,
К речке пойдет за водою, а воды
К берегу льнут и ласкаются, шепчут:
«Птицы замолкли — конец суматохе!»

Правда, конец суматохе: Фиалку
Снова царевич увидел живую!
Ведьму казнили, проклятью предавши,
Жизнь молодых потекла беспечально.

В темной пещере от дэвов я слышал
Это сказанье про Деву-Фиалку...
Звезды сияли, а ветер прохладой
Веял: «И в мире пройдет суматоха!»

Каменск-Уральский
1942

Золотое сердце (Башкирская народная сказка)

Было время, в старину шайтаны
По земле ходили, забавлялись:
Вот стоит избушка к лесу задом,
А проснутся люди — глядь, избушка
Передом-крылечком в лес уткнулась.
Что за пропасть! А в кустах хохочут...

Так-то раз увидели шайтаны:
Мальчик у ручья спит на полянке,
Тихо спит, как в небе полумесяц,
Звездною обрызганный росой.
Воды шепчут: «Ах, красивый мальчик!»
Соловей поет: «Красивей нету!»

В бок один шайтан другого: — Ну-ка,
Ничего, браток, не вспоминаешь?
Уж царевну-кralю не забыл ли?—
А другой, мигнув зеленым глазом,
Отвечает: — Ты бери за ноги,
Я возьму подмышки, и — айда!

У царя за морем цветик-дочка,
Будто зорька, что горит над раем:
Зайчик мимо пробежит — заглянет;
Птичка пролетит — уронит песню;
Солнца луч от щечки не отходит;
Ветерок помедлит, пролетая.

Хороша царевна, только пары
Не было доселе ей на свете.
Что ж, шайтаны — сваты не плохие!
Спит царевна; рядом положили
Молодого паренька и смотрят,
Любо им: светлее стало вдвое!

Толк один другого: — Видишь, парень
Будто в щелку глянул сквозь ресницы!—
Толк другой: — Гляди-ка, а царевна,
Будто занавеску, на минутку

Приподняла веки, опустила...—
Улыбаются шайтаны: любо!

Эка нечисть! Тоже понимают
В красоте... поди, не лыком шиты.
И, однакоже, — играй обратно!
И один мигнул зеленым глазом,
А другой: — Бери-ка ты за ноги,
Я возьму подмышки, и — айдате!

И проснулся паренек, где раньше
Почивал на травке, на муравке,
И открыл ресницы, и... один он!
И царевна сладко потянулась,
И с улыбкою открыла очи,
И задумалась — о сне минувшем...

С той поры желтеет и желтеет,
Сохнет парень, места не находит.
И отец печалится: бездетным,
Взял в приемыши ребенка-сына,
В холе возрастил его по-царски,
Полюбил всем сердцем по-отцовски.

Чем беде помочь — никто не знает.
— Что, сынок, кручинишься, желтеешь?
— Ах, мой батюшка, ах, царь, влюбился-
Глупый сын твой в девушку влюбился:
Видел раз ее, а как — не помню,
Наяву или во сне — не знаю.

— Если видел, говоришь, — отправлюсь,
Обойду один моря и земли,
По глазам узнаю, сердце скажет.—
Только много глаз — как звезды в небе,
Искрятся, и светят, и ласкают,
Но молчит, не колыхнется сердце.

И в аул зайдет — пытаются люди:
— Что, старик, один по свету бродишь?
— Доктор я, брожу себе по свету.
— Коли доктор, тут вот, недалечко,
Тут... рукой подать... за синим морем-
В болести царевна изнывает.

— Что же с ней? — спросил и слышит:
сердце
Как иглою тонкою кольнуло.
— А никто из нас того не знает,
Только сохнет, как цветок в безводье,
Да желтеет от тоски-кручины,
А по ком — не ведает про это.

— А... желтеет? Й по ком — не знает?—
И старик улыбкой озарился,
Будто дуб под вешнею грозою,
Радугой окинутый цветистой...
И ударил посохом, и — дальше:
«Зажелтела? Скоро разжелтеешь!»

И предстал он пред царицы очи:
— У меня есть сын, и он желтеет,
Их болезнь одна, одно лекарство -
Поженить, пока еще не поздно!—
Упирался царь и сомневался,
Старики его уговорили.

И пошел наш «доктор», и царевну
За руку ведет, не отпускает.
Коротко ли шли степями, долго ль;
Только видят: вырыта могила,
Гроб несут, толпа идет за гробом;
И недоброе пахнуло в сердце...

— Вы кого хороните, родные?
— А царица сына, — отвечают.—
Пожелтел, болезный, от недуга,
Все отца, знать, ждал да и скончался.—
И взглянула девушка, узнала,
И легла на землю бездыханной.

И простерлась тишина над степью,
И могила молча поджидала.
Ах, тесна-темна могила-терем
Для четы той, неразлучной в смерти,
Для четы друг другу обреченных,
От тоски-любви пожелтевших!

И махнул рукою царь: — Оставьте,
Вы оставьте нас троих до утра.
Не родной отец я, но у сына
Ночку тут до утра я пробуду;
Смерть обоим, видим, обвенчала:
И близ дочки ночку скоротаю.

И ту ночку коротал он скорбно,
И молился в сердце он аллаху,
Что под утро — как туман поднялся,
И полой-махнул, махнул чалмою,
Старцем встал перед царем согбенный,
Над отцовскою мольбой-тоскою.

— Вижу, слезы проточили ямки.
Вот — явился, молви мне, что просишь?

— Ах, моя молитва вот такая:
Ожили бы дети, посидели
Хоть немного... так... рука с рукою...
В очи бы друг другу поглядели... —

— Быть по-твоему! - И оба встали-
Юноша и девушка, и сели,
И сидят вот так, рука с рукою,
Друг от друга глаз не отрывают.
— Что ж они не-молвят ни словечка?
— Время кончилось, и смерть зовет их.

— Нет, немного... ну, совсем немного...
Пусть поговорят между собою! —
И старик кивнул чалмой, и тихо
Шелестит беседа перед смертью;
Ветерок так шепчется с листвою,
Воды так журчат по побережью.

Но умолкли ветерок и воды,
И опять они склонились — травки,
Пожелтевшие в степи от зноя.
И опять горячими слезами
Залился отец их неутешный;
И опять старик с чалмою молвил:

—Знаю, знаю: ты совсем хотел бы!
Оживить своих детей любимых,
Но они изжили век свой... Веку
Не могу продлить им. — Так возьми же
Ты мои, ненужные мне годы,
Их дарю я детям без остатка!

И повеял теплый ветер по степи,
И цветы вокруг заколыхались;
И заря на небе запылала,
И поднялся жаворонок в небо;
И, клубясь туманом, отлетая,
Так промолвил на прощанье старец:

— Вот отец! О, золотое сердце!
Не хочу я век твой весь исхитить,
Мы твой век оставшийся разделим
На три равных века небольшие,
А как кончатся три этих века,
Вместе всех вас призовут к аллаху!

И ожили юноша и дева,
Точно птички вмиг защибетали;
И в таком же счастье и весельи
Стали жить, на час не разлучаясь.

Жили так все трое неразлучно,
Неразлучно и скончались — вместе,

Каменск-Уральский
1948

Арабески

Так причудливость порою
Окрылит мое перо...

Арабески

Так меж скрипок, вторя строю,
Прозвучит рожок остро;
Так причудливость порою
Окрылит мое перо;

Так, покорствуя улыбке -
Легкой, горькой, — запою,
Доверяя строчкам зыбким
Мысли острую ладью.

Солнцу скажешь: просквози мне
И пролей сквозь облак блеск!
А мороз меж тем на зимних
Чертит окнах арабеск.

С балкона

Кружево голой березки
Блестками вышьет весна,
Капает талыми слезами
Рядом старушка сосна.

Плачется ветками колкими:
«Мне бы березки листы!»
Вот и напрасно: иголками
Новыми глянешь и ты!
1955

И то, и это...

Есть в работе и отрада,
И поэзия, и гнев:
То справляем новоселье,
То прилежно чистим хлев.

Так в работе и природа,
Годы словно вязь колец:
Улыбнутся в день рожденья
И оплачут наш конец.

Сам с собой

Для вас прогулки — с разговором,
А я люблю гулять один-
С душевным внутренним простором
Воображаемых картин.

Вот будто я на пароходе
(Присевши в парке на скамью).
Никто не видит, а я вроде
Уже в Стамбуле кофе пью.

Иль слышу в одинокой спальней-
Не бой часов, а сердца стук,
Иль в Индии сижу под пальмой,
Усопших предков дальний внук.

Но дело не всегда в поездке:
Как бы и здесь я — среди людей,
Хоть приглашение в повестке
Просрочено на много дней.

Но тем живее выступление
С самим собой наедине:
Веди прямое наступление,
Своей будь верен седине!

Вопросы ставлю я прямые,
Такой же требую ответ:
Ни перед кем не склонит выи
Сей гражданин на склоне лет!

А как вернусь в свою избушку,
Так снова в тишину влюблен,
Поглажу ласково подушку
И в мирный погружаюсь сон.

Пример воды

То льдом, то снегом, водопадом,
Не спрашиваясь никого,
То облаком, дождем иль градом-

Себя являет Н₂O.

Вот так и ты: жить, изменяться
Тебе разрешено судьбой,
Но все ж ты должен оставаться
Всегда, везде — самим собой.
1955

Смена

В осени есть постепенность,
Но и внезапность в ней есть:
Скинет мгновенно степенность,
Коли затронут в ней честь.

Коли вдруг кто-нибудь скажет:
«Холодно, точно зимой!»—
Щеки возьмет да и смажет
Листьев морозной метлой.

«Да, мы зимы захотели...»
Мягкий в ответ ей снежок...
Окна теплом запотели,
Замер пастуший рожок.

Стелет постельку и Мишка,
Где одеяльце — сугроб,
Ну, а сестренке мальчишка
Снегом прямехонько — в лоб!
1955

Вечерние беседы

(Правдивая сказка)
Семена березы
Паутинный домик
Устилали, словно-
Малый Млечный Путь.

Каждый день под вечер
Наш малютка-гномик
Выходил из чащи,
Чтоб зарей дохнуть.

Чтоб дохнуть зарею,
С паучком-соседом
Не спеша, толково,
Дельно поболтать,

Посвятив вниманье
Радостям и бедам,
Без чего вселенной
Быть не миновать.

А густеет сумрак,—
Скорый, хоть и пеший,
Вот проснутся ночи
Полной голоса.

«Спать пора!» — прикрикнет
Бородатый леший,
Зашумят листвою
О своем леса.

«Ну, спокойной ночи!»
«И тебе спокойной!»
Паучок безрукий,
Бедный гном — левша.

Оба улыбнулись,
Оба предовольны:
Ни один, как видно,
В споре не сплюшал!

Гномик, вновь затихший,
Гномик, трижды скромный,
Дал себе свободу,
Отдохнул душой:

Мир стоит на месте,
Ветер — не атомный,
И вверху на небе
Млечный Путь — Большой!
1955

Мать-змея

(Восточная сказка)

Ребенок весной заблудился в горах,
Ребенку неведом опасливый страх:
Цветок голубой или птичка живая-
Отвесной скалы не боится он края...
Ручонкой, нагнувшись, он хочет схватить-
Цветок ускользает, а птичка «пи-вить!»

Но вдруг из скалы, пробудившись, змея,
Зловещего жала подняв острия,
Ему зашипела в лицо, угрожая,
И видит: протянута ручка нагая...
Змею он задумал, склонясь, поласкать...
И дрогнула в кольцах сокрытая мать!

Ребенок без матери... Малых своих-
И скользких, и тонких — припомнила их,
И так осторожно, но в тесные кольца
Она обогнула невинное тельце,

И с ношей тихонько скатилась в дол,
Чтоб к дому ребенок тропинку нашел.

И там, различив увидавшую мать,
Она поспешила объятья раззять:
Ну вот, хорошо, что беда миновала!
Потом облизала застывшее жало
(Не сделавши им ни малейшего зла)
И медленно в гору к своим поползла.

Сказка о дружбе

(Армянская народная сказка)
Коротенькая сказочка, друзья:
Как побратались рыбка и змея

Красивы обе, молоды, резвы:
Одна в волнах, другая меж травы.

«Ну, дружбу ты на деле испытай:
Возьми змею на спинку, покатай!»
«Садись!» — Блестит под солнцем чешуя,
И обвилась, прильнула к ней змея.

И рокот волн, и синева, простор,
И краткий меж подружек разговор:

«Но почему куснула ты меня?»
«Нечаянно», — ответила змея.

В подруге бы и усомниться тут,
Но весело и далее плывут...

«Да что же ты кусаешься опять?»
«А разум солнцем помутило, зная!»

И синяя вновь плещется волна,
И вновь укус, и ноет вновь спина.

«Опять кусаешься! Да что с тобой?»
«А это уж такой обычай мой!»

Но рыбка на ответ была быстра:
«И у меня обычай свой, сестра!»

И, гневная, нырнула в глубину:
Змея умолкла и пошла ко дну...

Вопрос

Что предпочесть: цветок иль плод созревший?
— Конечно плод! — вскричал три дня не евший.—
Давай скорей! Давай его сюда!
И самый тот вопрос — белиберда!

Но если муки голода забыты,
А яблони цветущие покрыты
Воздушно-нежным облаком цветов,
Не вспомнится, что и обед готов,

И не представишь осень золотую
И яблоню, плодами залитую:
Нет, как дитя, светло ты будешь рад-
Вдыхать весенней сказки аромат!

Украинская песенка

(Из С. Руданьского)

Едет казак дорогою,
Девицу встречает,
Вынул указ с-за пазухи
Да вслух и читает:

— «И прочая, и прочая...
По сему указу
Должен каждую дивчину
Целовать по разу!»

Слышишь, Маша, что в указе?
— Поняла, козаче!—
А сама уж так-то рада,
Прыгает и скачет!

— Погляди-ка хорошенько,
Может, по указу
Целоваться, милый, надо
Вовсе не по разу?

Про бабу-ягу

Покуда есть дети на свете,
И мир будет молод всегда:
Живые горошинки эти-
Живая, как в сказке, вода.

А взглянешь в окно на салазки,
На белые ножки в снегу,
И вспомнишь забытые сказки
Про страшную бабу-ягу.

Как будто ни в чем не бывало
Сидит себе в шубе, сопит
Да тайно из-под покрывала
Водичкою мертвой кропит.

И думаю: старую бабу
Давно дожидается гроб;
И думаю: мерзкую жабу

Пора скovyрнуть бы в сугроб

Да прыгнуть в широкие сани,
Да песенку ветру подпеть:
«Мадам, вы уж как-нибудь сами
Сумеете там околеть!»

Легенда

(Из Гёте)

Раз в пустыне святой человек
Из-под низко опущенных век
Увидал козлоногого фавна.
— Господин, ты за нас помолись,
Чтобы нас пропустили на высь:
Мы небесного жаждем издавна!

Изумившись, святой человек
Оглядел незнакомца и рек:
— Дело с просьбой твоею опасно:
Как бы шаркнуть ногою ты мог,
Коли, фавн, ты, скажу, козлоног?
Спотыкаешься ты ежечасно!

Фавн ответил: — Нога не беда!
Я же видел, входили туда
С головою ослиной — прекрасно!

Шахматы

Блажен, кто сохранил слонов
И во-время рокировался,
Сквозь неприятельских оков
На королевский фланг прорвался
И двинул грозную ладью,
Отвергнув мирную ничью:
Позиция грозой чревата-
Противник не уйдет от мата...

Но не блаженней ли стократ,
Кто и слона подставить рад,
Кому и мат отрадой дышит,
Кто только милый голос слышит
И видит лишь лукавый глаз
Да прядь волос в ее полете...
О, если вы хотя бы раз
Играли так, — вы все поймете!

Бывает...

Бывает — читаешь ученую книгу,
Земля ее сжата и небо нависло,
У автора книги на мыслях вериги,
Все будто бы есть, не хватает лишь смысла.

Безделицы этакой — смысла в ней нету,
И голые мысли торчат будто числа-
Деревья без влаги, без ветра, без света,—
Бесплодные мысли без всякого смысла.

Как книги иные — есть люди такие:
Как будто и горько, и-сладко, и кисло,
Они и такие, они и сякие...
В их жизни есть все,—
кроме смысла.

«Оратор»

Мы всякий уважаем труд-
Ученый и чернорабочий,
Равно дары свои несут
Поэт, и инженер, и зодчий.

Но вот, как дока между док,
Прилежно, пышно и красиво
(В устах медок, в груди ледок)
Оратор говорит на диво...

И будто верные слова-
Как блекнут в тошнотворной мути
И как тускнеет голова
От сей периферии сути!

А тоже труд! Порой и пот!
Привычная подделка чувства...
Устал язык, запекся рот:
Какое подлое искусство!

Без точного адреса

Ка-к много скрытого жирком
Самодовольства... и похуже!
А все строчишь за томом том
И славы все алкаешь, друже...

Но разню славу, люди ткуют;
Как в песенке одной дается:
«Знать, быстро годы протекут,
А грязь, осевши, остается»

Зарисовка

У девы, как и у погоды,
То ясно, то метель — циклон:
Она родная дочь природы...
А он? А он в нее влюблен.

И улыбается, и руки,
Как будто ветви стройный клен,
К ней простирает в час разлуки:

На полюс едет, хоть влюблен.

И улетел — легко, как птица,
Она ж стоит поражена,
И прошлое ей только снится...
Что с ней? — И дева влюблена!
1955

Два листа

Я видел лист, изгрызенный червем,—
Одни лишь жилки оставались целы,
И вижу лист, исчерканный пером
Редактора — превыше всякой меры.

Им, знаю я, обоим надо есть:
Законное явление природы!
Но неужели же — и там, и здесь-
Те оба «грызуна» — одной породы?
1953

Краткие записи

Стиху дано...

Стиху дано движение, быстрота:
Над временем, пространством — полномочие!
Так томика порою полнота
Укладывается в четырехстрочье.

Темы

Писатель богат не одним только тем,
Что им написано: множество тем,
Как актеры во тьме — за кулисами:
И чем тема богаче, тем ненаписанной.

Коварство

Ты волен собирать пчелой
С цветов любых, с любого луга
И, мед варя, сказать порой:
«Ужотко угощу я друга!»

Похвалит он и мед, и чай,
И композицию поэмы,
Ничуть меж тем не замечая,
Что скушал жало личной темы.

У кого что

С человеком встречаешься, баешь,
А ничуть человека не знаешь,
Но какой-то минуткой одной
Открывается он пред тобой.

Голосок вдруг у строгой соседки

Зазвенит, как у птички на ветке,
Ильи так: за куском пирога
У соседа — и хвост, и ~рога!

Воробышек

Наш воробышек опрятный
Сел на пушкинскую бронзу
И клюет: не сердце, — крошки
Из-за складки сюртука.

Беспорно

Душевные стихи
Долины быть неплохие,
Коль подлинно они-
Душевная стихия!

Буржуазная философия

У всякой мысли есть извив,
Бери, какой тебе удобен,
Не говори прогриб: «Червив»,
А говори: «Он все ж — съедобен...»

Каждому

Не мертвой красотой сиять,
А жизнью благоухать!

Портрет

Войди в приемную и глянь:
Дела струятся, словно игры,
Сама сидит — скромна, как лань,
Зато в глазах ~играют — титры.

Краткость

Чем многолетней, тем живее
Прикосновение руки:
И мысль сердечная острее
В обломке крохотной строки.

Всемере

Даже музыки избыток,
Как бы дух твой ни алкал,
В душу льется, как напиток
В переполненный бокал.

Посошок

В глазах — слеза, на сердце — ком,
Но все же на судьбу не лаю:
Еще не согнут посошком,
Еще как тросточка гуляю!

И вдруг...

Колышется и танк, ~и сяк,

И вдруг — иссяк!

Из письма

Не спрашиваю, сколько лет,
Не все ль равно: ведь вы — поэт!

Родник

Стареет мир? Но слушай милый:
Идет весна и рушит лед!

Родник

Опять, склоняясь, в родник заброшенный
Гляжу и слышу плеск земли.
Отавы запах свежескошенной
И солнце в золотой пыли.

Порхает бабочка над склонами,
И кашка медом зацвела,
И над лугами, вновь зелеными,
Летит заботливо пчела.

Воспоминанья, явь, последняя
Тропинка жизни, все — одно:
Всему прошедшему — наследник я,
А для грядущего — зерно.

Из книги для детей

(Два стихотворения)

1

Полный ковш

Полным ковшом черпаю год-
Полный весеннего звона,
Льдинок последнего стога,
Первой речной синевы,
Первой зеленой травы.

Полным ковшом черпаю год-
Полный медового лета,
Полный душистого света,
Дождя и грозы, и грибов,
И ягод в тени у кустов.

Полным ковшом черпаю год-
Что-то нам дашь, золотая ты осень?
Неба воздушную просинь,
Хлеба да зрелых плодов,
Отдыха после трудов.

Полным ковшом черпаю год-
Над ковшиком веют снежинки,
В ковшике звонкие льдинки,

А на краюшке сядет сама
В белой шубейке — зима.

2

Последняя зимняя сказочка

Последнюю зимнюю сказочку:
Как спят по берлогам медведицы,
Как им не страшны гололедицы,
Как белка орешки грызет,
Как заяц с ней в дружбе живет.

Последнюю зимнюю сказочку:
Как между снежными елками
Мороз рукавицами щелкает,
Сосульки висят по усам,
Деревья трещат по лесам.

Последнюю зимнюю сказочку:
Как одна-одинешенька ловушка
В дреме склонила головушку
В просторном дубовом дупле,
Как вьюжно, бело на земле.

Последнюю зимнюю сказочку:
Как в поле запела метелица,
Как по оврагам дымится да стелется,
А дома за книжкой — светло,
А дома на печке — тепло.

Первый цвет

Яблоня бесплодной
Много лет была,
Но весной холодной
Нынче зацвела.

И цветочек нежный
На моем столе
Каплей белоснежной
Светит мне в Москве.
1955

Накануне

Все изменения природы-
Все исподволь, но коротки
Весны блистательные роды
И ледоломы у реки.

Так жду: из смутных состояний
Родится первый гром небес,
И незабудкам на поляне
Вновь прошумит зеленый лес.

У воды

Весна сначала розовеет
Под небом сине-голубым,
И сказкой-явью снова веет
Тот сизый лес, что стар, как Рим,
Тот древний мир, что вновь творим.

А зелень вся еще под спудом,
И дремлют вое луга, сады...
Блеснет парюю изумрудом
Лишь у студеной у воды-
Собой чаруя даже льды!
1955

Незабудка

Кусочек неба на земле,
Как птички голубая грудка-
В тени кустов я на столе
Цветет малютка-незабудка.

Откуда это имя ей?
Подарено ль самой судьбою?
Или с орешника ветвей
Ниспало каплей дождевою?

Не думаю. Сама она
Глядит, весь мир в себя вдыхая,
И, не старея, все юна,
Цветет надежда в ней живая.

Да, ты юна, и ты верна,
И помнишь нас, душой лаская,
И незабудкой названа,
Цветешь ты, нас не забывая.
1955

В бурю

Вчера, как буря в океане:
Вздымался сад — внутри, вовне,
Берез стенанье в урагане...
Но сила и покой — во мне.

И, как матрос, что в налетевшей
Грозе по волнам правит путь,
Еще всех песен не допевший,
Ветрам — я обнажаю грудь.
1955

Август умер

Августу, как всякому другому
Месяцу — зацвести и отцвести.
Август вышел погулять из дому.
Желтый запад, тишь и благодать.

Доцветают маски на кургане,
Вечер скелет в себе паруса,
По жнивью на серой паутине
Искрится холодная роса.

Дозревают яблоки на низких
На кривых рогулинах ветвей,
В теплой шапке ходит сумрак близкий,
Ветерок подул похолодней.

А как месяц глянул из-за тучи,
Август тихо прошептал: «Шабаш:
Встала полночь!..» И упал. Певуче
Проскрипел о Нем седой шалаш.

В ту минуту пробудилась Анна,
Мужу прошептала как в бреду:
— Кто-то... мы... упало что-то странно...—
Муж ответил: — Яблоко, в саду.

Осенние голоса

«Как чай настоенный — я осень!»
«Коричневеем мы — листья!»
«А ~мы, стволы, их скоро сбросим,
Их сбросим все — до наготы!»

Закроет тихо осень вежды,
Зима устелет все — бела,
И до зеленой спать одежды -
Всем да последнего ствола.

Цветок

Поздний осенний цветок
Возле глубокой канавы;
Холоден грязи поток
И порыжели вое травы...

А лепесточки — юны:
Мягким овеяны светом,
Теплятся — ранней весны
Детски невинным приветом.

Не такова ли и ты:
В сутолке жизни и службы-
Юный цветок чистоты,
Верности, ласки и дружбы?
1956

«С ноликом»...

Сад и склон, дубок наш над долиной
И плодом зацветший бересклет-
Словно лентой, малою, но длинной

Ладно опоясанный букет.

На него любуются — и осень,
И в годах предзимних человек
(С ноликом, знать, скоро будет 8!)
В думушках — как завершить свой век.

Время лентой — речкой обернулось,
И в нее глядятся лес и сад,
А в душе признание шевельнулось,
Как того букета аромат:

Было так, и есть, и будет снова,
Не угаснут ни вовек огни,
Лишь любовь — всебытия основа,
И прощальные отдай ей дни!
1955

Победы весть

Нет, ветру не завяжешь рта,
И рабством не замуровать
Ни песню, ни разбег листа:
Неуловима и проста
Свобода — песня ей под стать!

Всегда в движении: то здесь,
То зазвучит чрез тьму веков!
И, скорбный мир объемля весь,
Не есть ли песнь победы — весть
Освобождения от оков?
1945

Новое качество

Пусть уже стал привычный крут-
В нем сущности, а не названья:
Чем меньше доброты вокруг,
Тем реже разочарованье.

Не мнимой нежностью струны
Звучит нам виртуоза скрипка,
Но каждый звук — из глубины,
И жемчуг — каждая улыбка.

Ты стал скупей? Щедрее ты:
Ведь каждый шаг — бесповоротность!
Хоть меньше стало доброты,
Но возросла — ее добротность.

Поздняя осень

Я — поздняя осень, наследница лета,

Его урожаем богатым согрета,
Трудом ею жарким сыта и горда-
Под кожицей спелого нежусь плода.

Цените и славьте заслуженный роздых,
Вдыхайте мой свежий, целительный воздух!

Холодок

Ковшом черпая год за годом,
Еще не зачерпнул до дна:
Какая ясная погода,
Как пристально глядит луна!

Все признаки осенней крепки,
Но для всего на свете срок:
Вот быстрый пробежит по степи
Зверок — иглистый холодок...

Дыхнет направо и налево,
И всюду ляжет седина,
И средь раздумья и напева
Медлительно коснусь и дна.

Ливень в горах

Холодный, бешеный, стальной
Грохочет воздух надо мной
И солнце дымное сияет.
Оно сечет своим кнутом,
И небо рушится, и гром
Зигзагами огня пылает.

И пули меткого дождя,
Озон грозовый бороздя,
Стремительный вливают холод
В переплетенный виноград...
И вот чему-то дика рад
И буйной молодостью молод!

И, сам как ливень, в купы роц
Я опрокинул бы всю мощь,
В тюрьме телесной запертую...
И вот взамен тех тесных стен
Я рву немой словесный плен
И струями дождя ликую!

Минутка

Марине
Как ветер рвал твою вуаль,
И даль стремительно алела,
И ты была как эта даль,
И птица за Подкумком пела.

И было мне чего-то жаль,
И чья-то молодость летела,
И таял день, плыла печаль,
И солнце за горою село.

Станция Минутка
1932

Ручей

— Слышу — журчит ручей:
Это думы мои журчат;
Вижу — скользит ручей:
Это чувства мои скользят.

Незабудка глядит в ручей:
Это глаза мои;
Солнце зажгло ручей:
Это огонь любви!

Ветер пестрит ручей:
Это беличья
Резвость моя;

Канули звезды в ручей:
Это девичья
Чистота моя.
1940

Глаза

Кудри седеют, но небо-
Но небо: как бирюза,
И косточки отдыха требуют,
Но: не седеют глаза.

Видеть плесканье людское,
Молодость мира любить,
Жить в беспокойном покое:
Глаз сединой не губить!

И когда лягут полотна
И отбушует гроза,
Под веками, сжатыми плотно,
Пусть — неседые глаза!

Колчан

Вот говорят: «понять — простить»... Не только,
Я думаю, простить, важней — помочь!
Пусть сказанное слово будет горько,
Лишь угадать бы и оказать точь-в-точь:

Точь-в-точь, что надо. Это хирургия.
Стрела остра, и кровь блеснет струей,

А стрелы те — правдивые, нагие
Слова твои: пусть будет кровь — не гной.

Будь прям и смел с другими и с собою:
Никто нее умирал от этих ран.
Ты мирный человек, но за спиною
Учись носить спасительный колчан!

Добрый совет

Остерегайся даже шуткой
Задеть любимую печаль,
От слишком резкого движенья-
Подумай, и — остерегись.

И малое весомо в мире;
Ступай воздушно и легко:
Есть и в походке диссонансы,
И их неправоту — признай.

Когда неправоту признаешь,
Из злого процветет добро:
Единственное употребление
Неправды — в правду претворить!

Бодрость

Подняться над самим собою,
Окинуть глазом и себя,
Поспорить и с своей судьбою-
Вот то кляня, а то любя...

Разворошить и перестроить,
Дать веткам новым зацвести,
Привычный урожай — утроить
И плод неожиданный принести!

Кто преградил дорогу силам?
Кто песне заказал полет?
Стареет мир? Но слушай, милый:
Идет весна — и рушит лед!

Сирень

Бывает так: почти зима,
Но вдруг кувшин тепла прольется..
Сирень — весной встрепенется,
И вот снежком — цветет сама.

Тепло с прохладой сочетая
И седину с улыбкой уст,
Вот пак и я — как этот куст:
Как смесь и декабря, и мая,
1952

